

Евгений Панов

ТЕХНИК=АС

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Евгений Владимирович Панов
Техник-ас
Серия «Военная фантастика (АСТ)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69645670

Техник-ас:

ISBN 978-5-17-159168-7

Аннотация

Умереть военным пенсионером в мягкой постели в двадцать первом веке и очнуться, засыпанным землёй в воронке от взрыва авиабомбы, в теле молодого авиатехника в огненном сорок первом году. Над головой, ревя моторами, проносятся самолёты с крестами на крыльях, и стрекочут пулемёты, несущие смерть.

Пришло твоё время. Настала пора применить свои навыки. Ведь ты всю свою жизнь готовился к этому. Готовился защищать Родину. Очень скоро врагам предстоит узнать, кто такой русский ас из будущего. Им даже не надо крестов на могилах, сойдут и на крыльях кресты.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	35
Глава 3	55
Глава 4	78
Глава 5	106
Глава 6	133
Глава 7	168
Конец ознакомительного фрагмента.	171

Евгений Владимирович Панов Техник-ас

© Евгений Панов, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

*К 80-летию прорыва блокады Ленинграда
и разгрома немецкофашистских войск в
Сталинградской и Курской битвах!*

Воздушным рабочим войны посвящается!

*Вечная память героям, павшим в боях за нашу
советскую Родину!*

Пролог

Градусник, на котором я кое-как сфокусировал взгляд, ожидаемо не обрадовал. Температура не только не спадала, а наоборот, поднялась до 40,3 градусов, хотя я и проглотил полчаса назад горсть таблеток. Проклятая ковидла всё же достала меня, несмотря на вакцинацию. А как нам из всех утюгов трещали, что, мол, уколись и спи спокойно. Ага, спи спокойно, дорогой товарищ. Мы тебя никогда-никогда не забудем. Вот фиг его знает: может, если бы не укололся, то и не заболел бы? Хотя тут можно гадать, как на кофейной гуще.

Звонок в скорую тоже успокоения не принёс. Все машины на вызовах, и когда хоть одна освободится, то сразу приедут, а пока ждите. Короче, как только, так сразу.

Собравшись с силами, с трудом доковылял до входной двери и повернул защёлку замка. Теперь дверь смогут открыть снаружи, если у меня не будет сил встать. Плохо всё же жить одному. Как говорится, и кружку воды подать некому. Жена уехала на дачу, а дети давно уже поразъехались кто куда. Нет, супруга порывалась вернуться, но я категорически запретил: ещё тоже заразится. На даче сейчас куда как безопаснее в этом плане. Я бы и сам с ней уехал, да дела заставили остаться в городе.

Фух! Вроде и прошёл туда-сюда несколько шагов, а сил уже нет, сердце бешено колотится в груди, и голова кружит-

ся. Похоже, отлетался ты, Илья Александрович Силаев, пятидесяти восемью лет от роду, подполковник запаса, военный лётчик, неоднократный призёр российских и международных соревнований по высшему пилотажу, а также любящий муж и отец двух дочерей и сына.

Нет, надо прилечь и постараться уснуть. Сон – лучшее лекарство. Когда врачи на скорой приедут и позвонят в дверной звонок, то всяко их услышу, а уж зайдут они и сами.

Я уснул, и мне снился странный сон, будто бы я – это не я. Вернее, не совсем я. Вернее, даже не только я, но и кто-то другой. В общем, сплошной бред, наверное, вызванный высокой температурой. Но очень уж реалистичный бред. Я знал наверняка, что я пятидесятивосьмилетний военный пенсионер Илья Александрович Силаев, и одновременно я был двадцатидвухлетним авиатехником Ильёй Андреевичем Копьёвым, буквально полгода назад призванным в армию.

Вся жизнь молодого парня пронеслась у меня перед глазами. Детский дом на окраине Саратова, работа на заводе, учёба в ФЗУ¹, аэроклуб, в котором он не только с удовольствием учился летать на биплане У-2, но и любил копаться в моторах, повестка в военкомат, где он упросил военкома направить его на службу в ВВС. И вот не успел он после краткосрочных курсов авиатехников приехать в полк, как началась война, которая идёт уже целых десять дней.

Так, просматривая воспоминания своего тёзки, я вдруг

¹ ФЗУ – фабрично-заводское училище.

ощутил, что моё сознание всё больше и больше погружается в личность Копьёва. Не самое приятное ощущение, и поэтому я сделал попытку вырваться из этой трясины чужой памяти. Однако ничего не получалось. Собрав все свои силы, я рванул, как мне показалось, вверх, и вдруг всё вокруг меня будто бы просочилось друг в друга и закружилось в цветном хороводе, перемешиваясь и создавая новую личность, обладающую памятью и опытом обеих личностей-доноров.

Глава 1

Огненный рассвет. Первый бой

Меня довольно ощутимо потрянуло. При этом тело я не ощущал от слова «совсем». Это что же, меня парализовало, что ли? Вновь потрянуло, и тут же ещё раз, но уже сильнее. Похоже, что скорая всё же добралась до меня, и теперь меня везут в больницу, а машину немилосердно подбрасывает на колдобинах. Да и водитель тоже, блин, молодец. Не на лесовозе же дрова везёт, мог бы и объехать ямы или переезжать их поаккуратнее.

Вновь потрянуло. Странно, что я не слышу звуков. Вернее, слышу, но как-то словно сквозь вату. Гром какой-то. Хотя какой гром может быть в марте месяце? Да и странный этот гром. Не раскатистый во всю ширь небосвода, а резкий и хлесткий, словно... Взрыв?!

От пронзившей меня мысли я вздрогнул и в тот же миг ощутил своё тело. Из ушей тоже словно вынули затычки, и звуки заполнили сознание. Взрывы, рёв авиамоторов (уж этот звук я ни с каким другим не спутаю), треск пулемётных очередей. Ё-моё! Да что тут вообще происходит-то?! И почему я полузасыпан землёй?

Попытался пошевелиться, и это у меня получилось. Наконец-то смог протереть глаза и открыть их. И первое, что

я увидел, были руки. Грязные, в земле и... не мои, хотя я и ощущал их своими. И тут меня пронзила мысль, что тот сонбред был не таким уж и бредом. Получается, я умер и моё сознание слилось с сознанием этого паренька из прошлого, который, очевидно, тоже умер, погибнув под этой бомбёжкой (а ничем иным происходящее вокруг быть не могло). И почему-то эта мысль не вызвала у меня никакого отторжения. Видимо, влияние сознания Копьёва было достаточно сильно, и это позволило принять окружающую меня действительность.

Из ямы, в которой меня засыпало близким взрывом бомбы, я, хоть и с трудом, но всё же выбрался. Моему взору предстала картина полного разгрома. Повсюду дым, несколько горящих самолётов, в которых я узнал И-16, чуть в стороне – торчащие в разные стороны брёвна от разрушенной прямым попаданием авиабомбы землянки. И бегущая прямо по взлётному полю к лежащему рядом с перевернутой зениткой расчёту молодая девчонка в белом халате.

Откуда-то сверху-сзади сквозь нарастающий рёв авиационного двигателя раздалась длинная пулемётная очередь, и фонтанчики земли побежали наперерез бегущей. Вот их пути пересеклись, и из груди медсестры вырвались брызги крови. Девушка упала как срезанный цветок. И тут же надо мной пронёсся самолёт с крестами на крыльях. «Мессер».

– Лида! – вскрикнул я и тут же осёкся.

Откуда я знаю, как её зовут? Прислушавшись к себе, по-

нял, что знаю. Это Лида Мишанова, наша медсестра. И похоже, Копьёв неровно дышал в её сторону.

Видимо, память хозяина этого тела постепенно раскрывается для меня, становясь моей собственной. И одновременно с осознанием этого меня буквально затопила необузданная ярость. Нужно было что-то делать, и я осмотрелся.

Совсем рядом под маскировочным навесом стоял истребитель Як-1. Перед самой войной их в полк прислали четыре штуки, остался один. Это был самолёт командира первой эскадрильи капитана Сысоева. Сам капитан сидел в кабине, неестественно откинувшись назад. Из виска у него текла кровь. Винт истребителя крутился на холостых оборотах, а значит, двигатель прогрет и машина готова к взлёту.

Решение пришло мгновенно. С разбега вскочил на крыло самолёта и попытался вытащить убитого капитана из кабины, но ничего не получилось.

– Ремни отстегни, раззява.

С другой стороны от кабины на крыло забрался полноватый дядька в таком же, как у меня, техническом комбинезоне. Старшина Федянин, подсказала память. Протиснувшись, отстегнул привязные ремни и ремни парашюта. Вдвоём мы вытащили тело пилота, и я тут же юркнул в кабину на его место. Пара секунд – и все ремни пристёгнуты.

– Куда, сопляк?! – перекрывая шум двигателя заорал старшина. – А ну брысь из машины!

– От винта! – проорал я в ответ и руками показал команду

«убрать колодки».

Федянин на миг растерялся, но потом у него сработал рефлекс, и он выдернул из-под шасси колодки.

Даю оборотов двигателю и начинаю разбег почти поперёк полосы. По моим прикидкам, основанным на памяти Копьёва, для взлёта должно хватить. И вроде на пути воронок быть не должно. Во всяком случае, с крыла самолёта я их не видел. Ну, суки, молитесь. Сейчас я вам покажу, что такое русский ас!

Спросите, откуда я умею управлять истребителем военных лет и почему так уверен в себе? Так тут секрета нет. На соревнованиях во Франции я познакомился с владельцем летающей реплики истребителя Як-3. Ну и поспорили мы с ним, что если я выиграю соревнования, то он разрешит мне полетать на его самолёте, а если проиграю, то приглашаю его к себе в Россию и вожу по стране за свой счёт. Пари я выиграл и с удовольствием полетал на легендарном самолёте.

Так что в том, что смогу справиться с «яшкой первым», я был уверен. Был у меня, ну не знаю, талант, что ли, с первых секунд чувствовать даже незнакомую машину. Вот так сажусь в кабину, посижу, подвигаю рулями и элеронами – и всё, самолёт мне как родной. Мне и на И-16 довелось полетать, и на Р-39 «Аэрокобра», но уже в Америке. Там же близко познакомился с Ме-262. Правда, полетать на нём не дали, но хозяин разрешил посидеть в кабине, запустить двигатели и немного порулить по полосе. Заодно достаточно подробно

рассказал об устройстве кабины и об особенностях самолёта.

А у нас в России я летал на восстановленных Ил-2, По-2 и МиГ-3. Ощущения непередаваемые, когда ты вот так, в небе, соприкасаешься с великой историей своей страны.

Был у меня и ещё один талант. Я всегда попадаю в цель. ВСЕГДА! Хоть из пистолета, хоть из охотничьего ружья, хоть из бортового вооружения самолёта. Чувствую я, куда полетит пуля, снаряд или ракета, и ясно вижу ту точку пространства, где они встретятся с целью.

Как-то в сложный период, надумав увольняться из армии, я хотел было через своего знакомого устроиться к одному новому русскому личным пилотом. Денег там обещали платить очень даже немало, вот я и приехал к нему в загородный особняк для собеседования. А новый русский очень уж любил пострелять по тарелочкам. Вот и мне предложил пальнуть пару раз. Ещё и смеялся: мол, это тебе не сапоги топтать, это спорт, искусство, можно сказать. Даже на деньги пострелять предложил. Надо было видеть лицо этого хозяина жизни, когда я, почти не целясь, навскидку перестрелял все выпущенные тарелки. Он ещё спросил, точно ли я лётчик или, может, спецназовец какой.

Увы, с работой тогда не сложилось. Взорвали моего несостоявшегося работодателя прямо в его машине. Зато за те пострелюшки я выиграл десять тысяч баксов, и они ой как сильно помогли нашей семье в тяжёлые времена.

Но что-то я отвлёкся, а истребитель тем временем, наби-

рая скорость, уже катится по полю на виду у немецких стервятников. Буквально затылком чую, как пара «мессеров» заходит на набирающий скорость истребитель. Хвост самолёта уже оторвался от земли, ещё чуть-чуть, ещё немного скорости, так необходимой для того, чтобы крылья получили опору в воздухе. И вот самолёт, что называется, встал на крыло. Тут же убираю шасси. М-да, а штурвал-то здесь довольно неудобный. Держать его надо двумя руками. Помнится, на реплике Як-3 ручка штурвала была другая. Может, новые и более удобные появились позднее?

Пулемётная очередь с «мессера» прошла точно по тому месту, где только что был я. Вот то-то и оно, что был. А теперь – тью-тью. Делаю резкий вираж влево и тут же возвращаюсь на прежний курс. Имея преимущество в скорости, немецкая пара пролетает надо мной, и ведущий на миг оказывается в перекрестье прицела.

Коротко рыкнули два ШКАС, вспарывая брюхо немца, и я тут же чуть доворачиваю, ловя в прицел ведомого. Новая очередь – и из-под капота «мессера» полыхнуло пламя. Ведущий, словно не веря судьбе-злодейке, на короткий миг застыл в воздухе, тут же свалился на крыло и врезался в первоклассный российский чернозём. Свою долю русской земли, обещанную их фюрером, этот уже получил. Думаю, что остался доволен. Хорошая здесь земля, плодородная. А теперь ещё удобрений добавится.

Чуть в стороне замечаю разворачивающуюся для атаки на

меня любимого вторую пару. Кручу головой, осматриваясь. Больше «мессеров» нет, но имеется десяток Ю-87, выполняющих новый заход на штурмовку нашего аэродрома. Целый штаффель². Пока целый. Но с «лаптёжниками» разберёмся потом. Сейчас насущная проблема – это «мессеры».

Оба фрица полезли на высоту, чтобы оттуда, сверху, заклевать меня в своей излюбленной манере. Вот только лезть за ними следом я не собирался. Да и крутиться с ними в «собачьей свалке» тоже желания не было. Какой бы я ни был профессионал, но к машине надо привыкнуть получше. Одно дело – летать в мирном небе и совсем другое – в условиях, когда по тебе реально стреляют. Это, как говорится, две большие разницы.

Поэтому, набрав скорость, я чуть задрал нос самолёта и, взяв упреждение, дал короткую очередь из пушки. Я буквально кожей чувствовал, как 20-миллиметровые снаряды несутся наперерез ведущему «мессеру».

Есть! Горит, бубновый!

Ведомый решил не искушать судьбу и, свалившись в пике, взял курс на запад, подымливая форсажем. Ну и фиг с ним. Тут ещё «штуки»³ есть мне на закуску.

Пилоты на «лаптёжниках» тоже быстро поняли, что де-

² *Штаффель* – эскадрилья. Тактическая единица люфтваффе в количестве 9—10 самолётов.

³ «Штука», *Sturzkampfflugzeug* – пикирующий бомбардировщик «Юнкерс-87» («Лаптёжник», Ю-87).

ло тут явно нечисто, и, вывалив остатки бомбового груза в чистое поле, развернулись восвояси. Вот только отпускать их никто не собирался. Тем более что тихоходные бомберы представляли собой прямо-таки учебную мишень. Они, конечно, начали огрызаться из турельных пулемётов, вот только расстояние для них было великовато. Для них, но не для меня.

Спокойно, как на полигоне, беру в прицел замыкающего и бью короткой очередью из пушки. С удовлетворением замечаю, как брызнуло в разные стороны остекление. «Юнкерс» уходит в своё последнее пике. Сразу же бью идущего рядом с ним. Похоже, попал в бензобак, потому что фриц полыхнул сразу и весь. Так же, словно в тире, расстреливаю ещё два «лаптёжника», когда правое крыло вдруг покрывается ровной строчкой пробоин. Резко даю ручку от себя и влево и вижу, как чуть в стороне промелькнул хищный силуэт «мессера». Похоже, зря я списал его со счетов. Фриц всё же решил вернуться и разделаться со мной.

Однако повторной атаки не последовало. Видимо, топлива у немца на дальнейший бой не осталось, и он, уже, похоже, окончательно, отправился к себе. Зато теперь будет хвастать, что сбил русского аса. А вот хрен ему. Машина слушается рулей, двигатель работает ровно. Жаль только, бомберы уже далеко ушли. Ну да ладно, пора и мне домой. И так неплохо их проредил. Три «месса» и четыре «юнкерса». Ха, неплохо. Да сейчас такого счёта и нет ни у кого.

Домой – это, конечно, громко сказано. И так почти всё происходило либо над аэродромом, либо в пределах видимости. Улетел бы подальше и не факт, что нашёл бы дорогу назад. А вообще, странное дело: я совсем освоился в этом теле и в этом времени. Во всяком случае, никакого дискомфорта от произошедшего я не испытывал. Всё воспринималось абсолютно естественно и... с какой-то эйфорией. Ну так ещё бы. Скинуть больше тридцати лет – это у кого угодно вызовет эйфорию.

А вот и аэродром. Ёшкин дрын! А куда садиться-то? ВПП украшена несколькими воронками, там, где я взлетал, догорают сбитый мной «сто девятый». Проношусь над полем и ухожу на второй круг. Попробую сесть рядом с взлёткой.

Стоило только мне начать снижаться, как кто-то на поле выпустил ракету параллельно земле как раз в том направлении, куда я и собирался садиться. Ну что же, другого выхода всё равно нет. Выпускаю шасси, и вот машина уже бежит по выжженной солнцем траве. Замечаю машущего руками старшину Федянина, показывающего, куда заруливать. Следуя его указаниям и выключаю двигатель.

В наступившей тишине слышно, как потрескивает, остывая, перегретое сердце истребителя. Ё-моё! Только сейчас замечаю, что комбинезон на мне насквозь мокрый от пота, да и такая слабость навалилась, словно вагон угля в одиночку разгрузил. Похоже, откат наступил.

Кое-как собрался с силами и сдвинул назад фонарь каби-

ны. В нутро самолёта тут же ворвался весёлый ветерок, несущий поток живительной прохлады, впрочем, изрядно сдобренной запахом гари, перегретого двигателя и ещё чего-то неуловимого, что чувствуешь лишь на войне.

С удивлением посмотрел на свои руки, их заметно трясло. И это не реакция моего сознания, это реакция тела. Сознание у меня абсолютно спокойно. Я хоть и не воевал реально, но всю свою жизнь к этому готовился, а вот тот паренёк, чьё тело мне досталось, такого опыта не имел. Нет, Родину защищать, а если надо, то и умереть за неё, он, как и подавляющее большинство людей этого времени, был готов, но моего багажа знаний и опыта у него всё же не было.

М-да, а приложило меня неслабо. Попытался дрожащими руками отстегнуть ремни – ничего не получилось. Без сил откинулся на бронеспинку.

Сзади послышался топот множества ног. Вот кто-то с разбега заскочил на крыло, отчего самолёт качнулся, и перед глазами предстало полноватое лицо старшины Федянина. Во, вспомнил, Анатолий Кузьмич его зовут, или, по-простому, но не для всех, просто Кузьмич.

– Ты как, сынок, жив? Не ранен?

Во, уже сынок. А совсем недавно сопляком обзывал.

С другой стороны фюзеляжа в кабину заглянул запыхавшийся командир в синей пилотке с голубым кантом и двумя шпалами майора в голубых петлицах. Майор Пегов Сергей Викторович, услужливо подсказала память, командир пол-

ка. Поговаривают, что года три назад он был полковником, больше года «отдыхал» на нарах, но реабилитирован уже при новом наркоме внутренних дел Берии, хотя и понижен в звании.

– Ты?! – Казалось, глаза майора сейчас выскочат из орбит от удивления. – А где капитан Сысоев?

– Убит Сысоев, – подсказал кто-то, невидимый мне. – Прямо в висок осколком.

– Так это ты, что ли, летал? – совершенно обалдев, спросил комполка.

– Я, товарищ майор, – устало улыбнулся я. Уж больно эта сцена напоминала мне сцену из моего любимого кинофильма «В бой идут одни старики».

– И сбивал тоже ты?

– Тоже я, товарищ командир. – Всё так же улыбаясь, я пожал плечами и чуть виновато произнёс: – Так получилось.

– Ни хрена себе у тебя получилось, боец, – вытер Пегов ладонью вспотевший лоб.

– Так, в сторону, в сторону, товарищи! Где раненый? – раздался новый голос, на этот раз, для разнообразия, женский, и, отеснив старшину, в кабину заглянула очень даже симпатичная женщина в белом халате, с аристократическим лицом и пронзительными зелёными глазами.

Наш доктор (во, уже наш) Бурцева Марина Михайловна, военврач 3-го ранга. Мой, так сказать, реципиент, считал её старой и побаивался. Гоняла она его пару раз, когда он

пытался вручить скромный букет полевых цветов медсестре Лиде. Ну, старая – это явно не про неё. Ей от силы тридцать пять – тридцать восемь лет, так что для меня, учитывая мой истинный возраст, она молодая женщина. Кстати, довольно симпатичная.

– Ранен? Куда? – обеспокоенно спросила она, пытаясь рассмотреть на мне страшные раны.

– Да цел я, доктор, цел. Только сил что-то нет.

– Ну-тка, товарищ военврач, разрешите мне.

Старшина помог мне расстегнуть ремни и буквально выдернул меня на крыло.

– Качай его, ребята!

Бли-и-ин! Вот где было страшно. Это вам не фрицев вгонять в чернозём или на соревнованиях фигурировать. Это гораздо, гораздо страшнее, когда тебя, взрослого человека, с криками подбрасывают в небеса. Хорошо хоть не уронили и длилось всё это недолго, после чего меня буквально потащили в штаб.

– Давай рассказывай.

Передо мной сидели трое. Прямо не штаб авиаполка, а народный суд. Или, что ближе к эпохе, тройка НКВД. Комполка, начальник штаба и комиссар смотрели на меня, как на заморское чудо-юдо.

– Ну а что рассказывать? – Я переступил с ноги на ногу, и это опять-таки была не моя реакция, а реакция тела: не

мне, подполковнику запаса, переминаясь перед младшими по званию. – Взлетел, сбил, вернулся. Что такого?

– Что такого, говоришь? – Комполка вытащил из лежащей на столе пачки папиросу и закурил. – А ничего такого. Просто рядовой техник садится в новейший истребитель, взлетает под бомбёжкой и, как куропаток, сбивает семь вражеских самолётов. А так да, ничего такого. – Он смял в пепельнице недокуренную папиросу. – Ты где так летать и стрелять научился? И за каким ты вообще в самолёт полез?

– Так я же, товарищ майор, в Саратове в аэроклубе учился. – Ну, память Ильи Копьёва, выручай! – Мне и на УТ-2⁴ доверяли летать. Я даже на Первомайские праздники над городом пилотаж показывал. А стреляю я из всего отлично. У меня и значок Ворошиловского стрелка второй степени имеется. Ну а в самолёт полез из злости, потому что они Лиду...

Я замялся, опустив голову, – опять реакция тела.

– М-да...

Командир хотел ещё что-то сказать, но на столе затрещал телефон.

– Комполка майор Пегов у аппарата. Да, товарищ комдив. Вернулся с незначительными повреждениями самолёта, товарищ комдив. Всего семь самолётов противника, из них три

⁴ УТ-2 – советский учебно-тренировочный самолёт предвоенного и военного периодов конструкции А. С. Яковлева, одномоторный двухместный моноплан, с тянущим винтом, низко расположенным свободнонесущим крылом, открытыми кабинами инструктора и ученика, расположенными тандемом, и неубирающимся в полёте шасси.

истребителя и четыре пикирующих бомбардировщика. Налёт был внезапный, и поднять дежурное звено в воздух не успели. Потери большие, товарищ комдив. После последнего налёта в строю восемь машин и семь пилотов. А он не пилот, товарищ комдив. Нет, не шучу. Он младший авиатехник, красноармеец Копьёв, товарищ комдив. Да, это так. Слушаюсь, товарищ комдив. Донесение и представление составим немедленно и сразу отправим вам в дивизию. Спасибо, товарищ комдив.

Майор аккуратно, словно взведённую бомбу, положил трубку телефона и вытер выступивший на лбу пот.

– Так, – обвёл он взглядом землянку, в которой располагался штаб полка. – Начштаба, оформляй приказ. Красноармейцу Копьёву присвоить звание сержанта. Перевести сержанта Копьёва из технического в лётный состав. А что ты хотел? – повысил он голос, глядя на вскинувшегося было начштаба. – У нас лётчиков меньше, чем самолётов, а тут такой умелец нашёлся. Далее, составить совместно с сержантом Копьёвым схему боя, донесение в штаб дивизии и наградной лист на орден Красного Знамени. Комдив, оказывается, почти весь бой с земли видел.

Из штаба я выбрался часа через два. Попробуйте составить все требуемые бумаги и при этом не показать свои истинные знания. Сразу пошёл к столовой, чтобы наконец-то умыться. А то так и хожу грязный с того самого момента, как

здесь оказался. Заодно и перекушу чего-нибудь. В животе уже ощутимо бурчало.

Рядом с умывальником у входа в столовую висело довольно большое зеркало. Умывшись, я взглянул на своё отражение и оторопел. На меня смотрел я же, только молодой. Но ведь этого не может быть! Я же попал в другое тело. Хотя... Говорят, что у каждого человека есть свой двойник, так почему бы не быть двойнику и во времени. Может, поэтому и сознание моё переместилось сюда, в это тело, которое уже покинуло сознание прежнего хозяина.

Как бы там ни было, но на меня смотрел молодой парень, судя по ощущениям, роста чуть выше среднего, крепкого, как говорят, спортивного телосложения, со светлорусыми волосами, глазами серого цвета и лицом... В общем, как говорится, девкам нравится.

Помнится в своей школьной и курсантской молодости я не был обделён вниманием противоположного пола. Ну а потом женился, и для меня никогда не существовало других женщин, кроме моей любимой. Блин! Я же больше никогда не увижу ту, которая много лет делила со мной все тяготы службы, жизненные невзгоды и радости, ту, которая была моим надёжным и любящим тылом. И детей своих не увижу. Никогда.

От осознания всего этого я сел на стоящий тут же чурбак. Из меня словно выпустили воздух. Захотелось по-звериному завывать от безнадёги и от горечи потери. С немалым удивле-

нием почувствовал на губах солёный вкус, а на щеках – влагу. Это что, я плачу? Похоже, что так. Но как же тяжело на сердце. Такое ощущение, словно его сжали стальные тиски.

Я встряхнул головой и ладонями вытер лицо. Негоже мне, подполковнику, слёзы лить. Того, что случилось, вспять не обратить, так что, как говорится, будем жить.

– Вот ты где, – неслышно подошёл откуда-то сзади старшина Федянин и сел на лежащее здесь же брёвнышко. – Ты как, Илья?

В его голосе было прямо какое-то отеческое участие.

– Жить буду, Кузьмич.

Насколько я помнил, хозяин тела никогда прежде так старшину не называл, но сейчас Федянин совершенно не обратил на это внимания.

– А ты молодцом.

Старшина достал из кармана потёртый портсигар и, вынув из него папиросу, закурил.

– Я же думал, ты головой тронулся, когда в самолёт полез. А потом смотрю – взлетел, а тут немцы сзади на тебя заходят. Я уж и похоронил тебя в мыслях, а оно вон как вышло. Здорово ты их ссадил, – хлопнул себя ладонью по колену Федянин. – А уж как потом немчура с неба посыпалась, так тут на аэродроме все как с ума сошли. Сам комиссар скакал как умалишённый и орал на радостях матерно. В первый раз его таким видал. А по Лиде не тоскуй, – по-своему понял он моё состояние. – Видать, на роду ей так написано было. Жаль её,

конечно. Молодая девчонка совсем была. Эх, война, война, – грустно вздохнул он. – Сколько ещё горя будет от неё людям.

Я сидел рядом с Федяниным и ловил себя на мысли, что едва сдерживаюсь, чтобы не назвать его Макарычем. Он внешне был точь-в-точь как герой замечательного артиста Алексея Макаровича Смирнова в фильме «В бой идут одни старики».

Старшина ещё несколько минут молча посидел со мной и, слегка хлопнув меня по плечу, ушёл. А я всё же смог раздобыть на кухне краюху хлеба со шматком сала и кружку горячего чая. В животе больше не били барабаны, и жить стало значительно веселее.

Потом помогал Федянину и ещё двоим техникам латать повреждённое крыло истребителя. Только сейчас обратил внимание на бортовой номер – тринадцатый. Кто-то скажет, несчастливый, но точно не я. Это число сопровождало меня всю мою жизнь. В детстве рос в доме № 13, потом учился в школе № 13, в военном училище учился в 13-й роте, после в полку бортовой самолёта был 013, и, как апофеоз, когда мы с женой обзавелись своей собственной квартирой, то угадайте: какой номер был на её двери?

Пока возились с плоскостью, на поле уже успели засыпать и утрамбовать воронки от бомб, и на взлёт пошли все оставшиеся целыми самолёты полка, кроме меня, конечно. Четыре И-153 «Чайка» и три И-16, ревя моторами, потянулись на запад.

Назад вернулись три «чайки» и три «ишачка», при этом один из И-16 шёл с сильным дымом, заметно вихляя из стороны в сторону. Было видно, что пилот с большим трудом удерживает машину в воздухе. Перед самым заходом на посадку «ишачок» вдруг резко свалился на крыло и врезался в землю. Все, кто был на аэродроме, бросились к месту крушения. Удивительно, но пожара не было. Однако и от самолёта осталась лишь груда обломков. Лётчик погиб. При таком, как говорится, без вариантов.

До вечерних сумерек полк (вернее, его остатки) совершил ещё два вылета полным составом. Как я узнал из разговоров, летали на штурмовку наступающих колонн немцев. Без бомб, без РС, одними пулемётами и пушками пытались остановить стремительное продвижение противника. А до немцев, судя по времени, затраченному на вылет, особенно на последний, было совсем близко.

Вечером, когда мы закончили приводить «як» в порядок, меня вызвали в штаб, где зачитали приказ о присвоении мне звания сержанта и переводе меня в лётный состав и выдали все положенные документы. К моему величайшему удовлетворению, закрепили за мной тот самый Як-1.

Если честно, то я думал, что у меня банально отожмут этот самолёт – либо кто-то из более опытных лётчиков, либо сам командир. Однако этого не произошло. Видимо, майор решил, что раз уж у меня настолько хорошо получается валить немцев на этом истребителе, то и нефиг множить сущ-

ности сверх необходимого.

Но самое забавное было то, что по технической части за эту машину отвечал не кто иной, как старшина Федянин. Однако стоило мне появиться у самолёта уже с двумя сержантскими треугольниками в петлицах, как он вскочил по стойке смирно и доложил об устранении повреждений и готовности машины к вылету. Наверное, со стороны это смотрелось довольно забавно, когда старшина докладывал младшему по званию, который ещё полчаса назад был его подчинённым.

Утро на аэродроме началось с невообразимой суеты. На автомашины и подводы грузили имущество, а самолёты готовили к вылету. Немцы в очередной раз прорвали фронт, и их танки были уже на подходе к нашему месту базирования.

Всех пилотов, включая меня, вызвали в штаб, где командир поставил нам задачу.

– Значит, так. – Он на какой-то миг замер над расстеленной на столе картой. – Ваша задача та же, что и вчера. А именно – штурмовка колонн наступающего противника. Всё остаётся как прежде, за исключением того, что с вами пойдёт сержант Копьёв, который со вчерашнего дня переведён в лётный состав. Твоя задача, сержант, – обратился майор ко мне, – прикрывать нас с воздуха. Ты у нас глазастый, так что крути головой во все стороны и не проворонь немцев. Иначе будет как вчера, когда мы остались почти без боеприпасов, а на нас навалились их истребители. Так что бди. Возвращаем-

ся на другой аэродром. Вот сюда, – показал он на карте точку восточнее нашего нынешнего местоположения. – Там сейчас формируется сборная солянка из остатков авиачастей, так что со всем остальным определимся уже на месте. Всем всё понятно?

– Разрешите, товарищ майор, – выступил я на шаг вперёд и после разрешающего кивка продолжил: – Мне бы карту и ориентиры отметить.

– Карту сейчас получишь, и давай в темпе. Времени на раскачку нет совсем.

Расположившись на крыле уже своего истребителя, я изучал карту. Почему-то другие лётчики отнеслись ко мне довольно прохладно. Может, сказала растерянность от такого начала войны или, может, не посчитали за равного вчерашнего пацана-маслопупа, по какой-то случайности сбившего несколько самолётов врага, вдруг возвысившегося и вставшего в один ряд с ними, элитой ВВС. Не знаю. А значит, нужно завоёвывать авторитет наглядными делами.

И вот я в кабине, двигатель прогрет и мерно гудит на холостых оборотах. От штаба в небо взмыла белая ракета. Пора. Я взлетаю после всех и сразу набираю высоту. Александр Покрышкин, один из лучших асов этой войны (впрочем, он им ещё не стал), вывел формулу «высота – скорость – манёвр – огонь». Вот и буду ею руководствоваться.

Вylетевшие раньше истребители полка я догнал довольно быстро и занял место на километр выше них. Прямо по

курсу небо было чисто, а вот в стороне крутились какие-то самолёты. Далековато, так что и не разглядишь, кто именно.

Немецкую колонну нашли быстро. Да и сложно было бы не найти, учитывая, что ими сейчас забиты все дороги. Два «ишака» и три «чайки» резко спикировали и прошлись вдоль колонны из пулемётов. Видно было, как в разные стороны разбегались крошечные фигурки людей в серой форме. На дороге загорелись пара грузовиков и бронетранспортёр. Откуда-то из колонны навстречу краснозвёздным истребителям ударили автоматические зенитные пушки. Вот трассер буквально на мгновение задел одну из «чаек», и самолёт, вдруг вспыхнув весь и сразу, кометой понёсся к земле.

Спокойно на такое смотреть я просто не мог. Быстро осмотревшись и не увидев опасности с неба, я с переворотом устремился на колонну. Откуда ведётся зенитный огонь, я видел очень хорошо. Ну что же, попробуем себя и по наземным целям. Ловлю в прицел БТР с установленным на нём зенитным автоматом и даю короткую очередь из пушки. Мне даже показалось, что я увидел, как выпущенные мной снаряды выбивают искры из немецкой брони и зенитки. Во всяком случае, огня отсюда больше не ведут.

Используя набранную на пикировании скорость, вновь ухожу вверх и в этот самый момент вижу, как со стороны солнца на оставшихся «чаечек» валятся четыре «мессера».

Разминулись мы с ними буквально крыло в крыло. Ни им, ни мне стрелять было несподручно: уж больно неудобный

ракурс. На «чайках» опасность заметили и прыснули в разные стороны. Разозлённые неудачей немцы опять полезли на высоту. А нет, не все. Одна пара, развернувшись, пошла следом за уходящим на восток «ишачком». Похоже, наш самолёт получил какие-то повреждения, потому что летел, виляя из стороны в сторону. Вот его-то и спешили добить фрицы.

Чёрт, далековато. Наудачу даю короткую очередь из пушки и вижу, как трассер проходит прямо за хвостом ведущего. Его ведомый от неожиданности метнулся в сторону и, видимо, по радио предупредил ведущего об опасности. Во всяком случае, немцы бросили подстреленный И-16 и решили разделаться со мной. Ага, счаз-з-з! Расстояние уже заметно уменьшилось, и я спокойно с невозможной для них дистанции расстреливаю оба «мессера».

Возвращаюсь к месту боя над наступающей немецкой колонной и на малой высоте проношусь над какой-то речушкой. Краем глаза вижу, как на её восточном берегу среди редких пятен ячеек и позиций артиллерии радостно машут руками и головными уборами бойцы. Да, редко сейчас их, пехоту, наша авиация радуется победами. Держитесь, парни. Покачиваю крыльями и делаю свечку над позициями.

А над дымящейся то тут, то там колонной всё ещё крутятся в карусели пара «чаек» с парой «мессеров». Странно, а где ещё один «ишачок»? Увидев приближающегося меня, немцы решили не связываться и, свалившись на крыло, понеслись к земле, набирая скорость и уходя на запад. Даю вдо-

гонку очередь. Хотя и не попал, но ускорения им явно придал. Волшебный пендель, так сказать.

Возвращались втроём. Пара И-153 шла чуть ниже, а я нарезал над ними «змейку», чтобы сохранить скорость. До нового места базирования долетели без приключений. Вот только топлива у меня осталось, что называется, на донышке. Движок заглох сразу, как только я зарулил на указанное мне место.

Едва мои ноги коснулись земли, как на меня буквально налетел майор Пегов. Это его И-16 хотели заклевать два немецких стервятника, да попались мне на прицел.

– Ну, сержант, спасибо, – по-медвежьи облапил он меня. – Я же думал, что всё, отлетался. Машина чуть в воздухе держится, какой тут бой вести. И смотрю: оба «мессера» отвернули и тут же друг за другом загорелись. Должник я твой, век не забуду.

Несколько часов спустя от наземных войск пришло подтверждение, что истребитель с бортовым номером 13 сбил два немецких Ме-109. Так на моём счету прибавилось ещё два сбитых.

На следующий день к нам добрались наши наземные службы. Кузьмич тут же занялся обслуживанием самолёта. А ещё он раздобыл красную краску и трафарет и нанёс на борту девять звёздочек по числу сбитых мной. На стоянку началось буквально паломничество. Всем хотелось взглянуть на такое количество звёздочек на борту истребителя. И мало

кто верил, что это дело рук вот этого молодого парня.

Сбитые мной в первый же день семь самолётов противника аукнулись через десять дней. Всё это время мы по два-три раза в день либо вылетали на сопровождение бомбардировщиков и штурмовиков, либо прикрывали переправы, либо отбивали атаки немецких бомбардировщиков на наши объекты и войска. Я пополнил свой личный счёт ещё двумя Ю-87, одним Ме-109 и одним двухмоторным «Хенкелем-111». Итого получилось моё любимое число тринадцать.

Вернувшись из очередного вылета, я пошёл в столовую. У столовой собралось изрядно народа, и все что-то бурно обсуждали. Стоило лишь подойти поближе, как меня подхватили на руки и принялись качать. Я прямо-таки начинаю ненавидеть подобные проявления чувств.

Опустив меня на землю, мне тут же сунули в руки дивизионную газету «За Родину!», где на первой полосе была крупная фотография, на которой одинокий истребитель со звёздами на крыльях и хорошо видимым бортовым номером тринадцать гонит перед собой свору немецких бомбардировщиков Ю-87, и при этом один из «лаптёжников», дымя, валится к земле, а второй взрывается прямо в воздухе. Кадр, безусловно, получился эффектный, жаль не цветной.

В статье под фотографией писалось о том, как в N-м истребительном авиаполку простой авиатехник, красноармеец Копьёв занял место убитого лётчика в кабине истребителя, взлетел и в бою в одиночку сбил семь вражеских самолётов,

чему было много свидетелей на земле, в том числе фотокорреспондент газеты. За мужество и героизм, за умелые действия отважный лётчик представлен к званию Героя Советского Союза. Ну и, естественно, призыв бить врага так же, как доблестный сталинский сокол.

За эти десять дней та сборная солянка из остатков авиаполков, что собрали здесь, почти полностью сточилась в непрерывных боях. В строю осталось девять самолётов разных моделей, включая один одноместный Ил-2. Я несколько раз вылетал, прикрывая его, и теперь старший лейтенант Саня Мартынов требовал, чтобы его прикрывал непременно я: уж очень ему понравилось, как я отгонял от него фрицев.

Плюсом было ещё то, что мой «як» был оборудован приёмо-передающей радиостанцией, и я имел возможность вовремя предупреждать Мартынова о вражеских атаках. «Мессер» я, кстати, снял у него с хвоста. Очень настырный фриц попался, пришлось его успокоить, ну, и упокоить заодно.

А вообще, как рассказали на радиоузле, немцы уже начали вопить: «Achtung, am Himmel ist das Dreizehnte!»⁵ Репутация, однако. Да и сложно меня в воздухе не узнать, тем более что на всю округу был один-единственный «як» – мой. Самое интересное, что я так и летал один, то есть не в составе звена. Меня вообще зачислили в эскадрилью управления. Да и сложновато мне было бы летать с кем-то, учитывая разницу в характеристиках самолётов.

⁵ Внимание, в небе тринадцатый! (нем.)

А вообще, за то время, что я нахожусь в этом времени, я так ни с кем близко и не сошёлся. Да и времени, если честно, на это не было. Полёты прерывались лишь на обслуживание машин и приём пищи. Вечером все просто валились без сил. Сказывалось и, мягко говоря, не самое удачное начало войны, и большие потери, и отсутствие ясно видимых перспектив на быструю победу.

Нормально общался я лишь со старшиной Федяниным и ещё парой техников. Да, пожалуй, командир полка с полковым комиссаром Новиковым относились ко мне, можно сказать, по-отечески. Остальные лётчики хоть и не игнорировали, но чувствовалась какая-то отчуждённость. Ну ещё бы, они элита ВВС, белая кость, а тут какой-то вчерашний маслопуп вдруг становится асом. Из лётного состава только с Саней Мартыновым у меня сложились отношения, которые можно было назвать дружескими. Мы с ним как-то сразу перешли на «ты» и на общение по именам.

Новый день войны начался с головной боли. Ночью плохо спал, всё думал о том, что, может, стоит написать письмо Сталину с изложением хода войны. После долгих размышлений пришёл к выводу, что всё же не стоит. Во-первых, мне его просто неоткуда отправить так, чтобы оно не попало не в те руки. Даже если вызовут в Москву на награждение, то и тогда не факт, что оно дойдёт до адресата. Да и не поверит он ему. Это в книжках про попаданцев главный герой момен-

тально выходит на руководство страны и начинает раздавать советы направо и налево, и все его слушают как мессию. В жизни всё будет с точностью до наоборот.

Да и стоит ли вмешиваться в ход истории, особенно так грубо? Вот предупредишь о чём-либо, и всё пойдёт по-другому, и не факт, что нам на пользу. Как говорил один мудрый человек, лучшее – враг хорошего. Так что не нужно лезть своими ручонками в такой тонкий механизм, как история. Пусть всё идёт так, как должно.

С такими мыслями я и уснул.

Глава 2

За одного битого двух небитых дают

Первый вылет утром был на перехват самолёта-разведчика. Зловредная «рама»⁶ постоянно висела над передовой, корректировала огонь немецкой артиллерии и наводила на наши позиции пикировщиков.

Подойти к ней до меня уже пытались, но фрицы, заметив приближение советских истребителей, просто уходили к себе, не дожидаясь, когда противник вскарабкается к ним на высоту. Да и живучая машинка была на редкость, так что бить её надо наверняка. Где-то читал, что были случаи, когда «рама» возвращалась на свой аэродром после таранного удара или буквально потеряв один из двигателей. В общем, несмотря на свою невысокую скорость, противник довольно неудобный.

Аэродром наш находился на окраине села Субино Житомирской области, и, учитывая, что линия фронта почти вплотную подошла к городу Коростень, то лететь здесь километров сорок. Едва взлетев, я начал набирать высоту. На шести километрах стало довольно холодновато. Если на земле

⁶ «Фокке-Вульф Fw 189».

было плюс восемнадцать, то здесь – столько же, но с противоположным знаком. Спасали зимний комбинезон и тёплые унты. Да ещё Кузьмич раздобыл зимние полётные перчатки и утеплённый шлемофон, так что не замёрзну.

Разведчика заметил издали. «Рама» неспешно нарезала круги метров на пятьсот ниже меня. Похоже, меня заметили, и немец полез на высоту. Несмотря на кажущийся несуразный и хрупкий вид и откровенно низкую скорость, на высоте немец имел очень хорошую манёвренность, так что шансы увернуться от атаки истребителя, тем более одиночного, у него были. Вернее, были бы. Вот это самое «бы» фрицев и подвело.

Я не стал сближаться, а с уже привычной мне дистанции влепил очередь из пушки по кабине. Что хорошо, так это то, что кабина на «раме» большая, и стрелять по ней одно удовольствие. Вся эта летающая оранжерея брызнула остеклением, и разведчик, беспорядочно кувыркаясь, устремился к земле.

Представляю, какое сейчас ликование там внизу, в окопах. Осмотревшись ещё раз, я развернулся в сторону дома.

Только успел доложить о выполнении задачи, как поступил приказ готовиться к новому вылету. На этот раз идём бомбить переправу. Вернее, бомбить её будут пять И-153, пара И-16, которым под крылья подвесили по две бомбы-сотки, Саня Мартынов на своём «ильюшине» как основная ударная сила, ну а я, как всегда, буду их прикрывать. По-

том, отбомбившись, ко мне присоединятся оба «ишачка». К счастью или нет, но бомбодержателей на «яке» не было.

На переправу вышли точно. Через небольшую речушку с топкими берегами немцы проложили понтонный мост. Вот он и был нашей целью. Едва приблизились, как нам навстречу потянулись густые трассеры – от автоматических зенитных пушек. Сразу же один из И-16 вспыхнул как свечка и рухнул в лес. Вот из-под капота одной из «чаек» вырвалось пламя, и пилот направил горящую машину на лупящую в бешеном темпе зенитку.

«Ил» Мартынова пёр как танк, оправдывая своё прозвище. Не знаю, видит ли пилот то, что творится вокруг его машины, но со стороны зрелище не для слабонервных. Штурмовик будто опутан паутиной трассеров. Вот с направляющих сорвались РС и понеслись к другому берегу на позицию зениток, а следом посыпались бомбы, разнося в щепки переправу.

Следом за «илом» от своего груза избавились остальные, высыпав бомбы на подходы к переправе. Сделали ещё пару заходов, пройдясь огнём пушек и пулемётов вдоль дороги, по которой, на свою беду, подходила к переправе очередная колонна немецкой пехоты. Расстреляв весь боекомплект, осуществлявшие штурмовку самолёты развернулись на обратный курс.

И тут зенитный огонь внезапно прекратился. Прекращение огня зениток могло означать лишь то, что в непосред-

ственной близости находятся немецкие истребители. Я ещё активнее закрутил головой, высматривая опасность. И... прошляпил. Немцы атаковали не в своей излюбленной манере – сверху, – а снизу. Четвёрка «мессеров» зашла с бреющего полёта и с ходу зажгла одну из «чаек». Мартынов на своём штурмовике в самый последний момент смог увернуться.

«Мессеры» сразу полезли на высоту. Уже бросая истребитель на перехват, я заметил, как чуть в стороне набирает высоту четвёрка фрицев, а восточнее наверх лезет ещё одна пара. Итого получается десять фрицев против нас шестерых, а учитывая, что у остальных всё было расстреляно до железки, то против меня одного.

Я успел с большой дистанции свалить один «мессер», остальные резко развернулись и пошли в атаку, сокращая дистанцию. О других самолётах они, казалось, забыли.

– Саня, уводи остальных, я прикрою! – проорал я в эфир, уворачиваясь от атаки.

– Илья, отобьёмся! Да твою ж...

«Ил» Мартынова вильнул в сторону, когда прямо над фонарём кабины прошёл трассер. Странно. Немец вполне мог свалить штурмовик, но не сделал этого, а лишь, так сказать, обозначил намерения. Да и остальные тоже не стремились атаковать другие краснозвёздные машины, но плотно занялись мной. Всё страньше и страньше.

– Не отобьёмся! Уходите! «Семёрка»! Собирай всех, и

прикрывайте «полста третий»!⁷

На «ишачке» с бортовым номером 7 стоял лишь приёмник, это у нас с Мартыновым были полноценные приёмо-передающие радиостанции.

– Да как их соберёшь, когда они не слышат?! – в отчаянии прокричал Мартынов. На «чайках» вообще никаких радиостанций не было.

– Саня, мне по барабану! – прорычал я в ответ, всаживая очередь из пулемётов в брюхо подвернувшегося фрица. – Хоть причиндалами своими маши из кабины, но чтоб духу вашего здесь не было! Эти по мою душу здесь! Останетесь – и вас сожгут! Кто воевать дальше будет?! Всё, валите отсюда, мешаете! И не поминайте лихом, если что!

Похоже, меня всё же поняли. «Ил» Мартынова покачал крыльями и со снижением пошёл на восток. К нему тут же присоединился И-16. Оставшиеся три «чайки» крутнулись было в сторону свалки, в которую превратился бой, но опомнились и поплелись следом. Их никто не преследовал, а значит, моё предположение, что немцы устроили охоту на истребитель Як-1 с бортовым номером 13, подтвердилось. Ну, суки, сейчас я вам покажу, что такое чемпион по высшему пилотажу со школой пилотирования, опередившей вашу на несколько десятилетий!

Нет, немцы отнюдь не цыплята беспомощные и воевать умеют. Их ошибкой было то, что они набросились на меня

⁷ Бортовой номер Ил-2.

кучей. Атаковали бы парами, и я точно долго не продержался бы. Как говорил нам инструктор по рукопашному бою (занимался я в секции в лётном училище, факультативно, так сказать), чем больше против вас нападающих, тем хуже для них. У вас, в отличие от них, свобода перемещения и принятия решений, а они лишь мешают друг другу. Ну что же, есть где разгуляться. Тем более двух я уже вывел из боя. Один догораёт на земле, а второй, жирно дымя, со снижением ушёл на запад.

Сложно сказать, сколько времени занял воздушный бой. Во всяком случае, мне показалось, что несколько часов. Немцы никак не ожидали от меня боя на вертикалях, на которых считали себя хозяевами. Пилотаж был буквально за пределами всех возможных ограничений. Я всем своим телом чувствовал, как трещат от перегрузок элементы конструкции «яка». Глаза застилала кровавая пелена.

Немцы, похоже, были хорошо осведомлены о том, как я их ссаживаю на дальних дистанциях, и старались не отдаляться, при этом активно мешая друг другу. Одного неосторожного, решившего выйти из боя и осмотреться, я сбил короткой пушечной очередью.

Стрелял я, стреляли по мне. Вот брызнула осколками приборная доска. Обожгло голову чуть выше виска, и по щеке потекло что-то липкое и тёплое. Прямо перед носом истребителя на миг промелькнул худой силуэт «мессера», но мне хватило этого мгновения, чтобы всадить в него очередь. Бук-

важно затылком почувствовав холодок, я резко бросил машину в сторону. Трассеры прошли мимо, но по бронеспинке что-то довольно сильно ударило. Благодаря своему манёвру я оказался в хвосте у замешкавшегося фрица, чем сразу воспользовался. Горит, бубновый!

«Мессеры» вдруг как-то разом бросились врассыпную. Это они что, меня, что ли, испугались? А, нет. С востока приближались несколько «ишачков». Ну спасибо вам, братья! Без вас мне бы точно хана.

Вдогонку фрицам выпустил остатки боекомплекта и... попал. Попал!!! Один из «мессеров» кувыркнулся в воздухе и врезался в землю. Ну, как говорится, земля тебе асфальтом, тварь!

Только сейчас почувствовал, как трясёт мой «як». Да и вид у машины, что называется, далёк от идеального. Плоскости все в дырах, двигатель работает с каким-то скрежетом и повизгиваниями, на месте приборной панели большая дыра. Не, ребята, я домой.

Самая большая загадка – это то, как я вообще долетел до аэродрома. На последних километрах двигатель начал работать рывками, а истребитель буквально бился в руках как взбесившийся мустанг. Садился я с ходу, не выпуская шасси: судя по состоянию плоскостей, далеко не факт, что они бы вышли. Уже перед самой землёй двигатель будто бы вздохнул с облегчением, что смог дотянуть до аэродрома, и окончательно встал. Не скажу, что родная земля встретила меня

ласково. Удар был очень даже чувствительный.

Подняв облако пыли, «як» наконец-то остановился. Откинуть фонарь не получилось: похоже, заклинило. И это просто счастье, что самолёт не загорелся: фиг бы я смог из него выбраться. Подёргав ручку, я бросил это бесполезное занятие. Вон народ бежит, сейчас откроют.

Первым закономерно подбежал Кузьмич. Вот что интересно: у него же комплекция явно не легкоатлета, а несётся быстрее всех. Следом за старшиной бежали Саня Мартынов, а потом и остальная немаленькая толпа.

Совместными усилиями фонарь сорвали.

– Ранен?! – спросил Федянин.

Видимо, видок у меня был тот ещё, потому что во взгляде Кузьмича была неподдельная тревога.

– Не дождутся, – хрипло ответил я.

Блин, а в горле-то пересохло. Попробовал снять шлемофон и зашипел от резкой боли.

Тут же, у самолёта, подбежавшая врач вытащила мне из-под кожи на голове впившийся туда осколок стекла, обработала рану и наложила повязку. Теперь я как герой той песни про Щорса: «Голова обвязана, кровь на рукаве».

Федянин несколько раз обошёл вокруг разбитого «яка» и лишь горестно качал головой. Дождавшись окончания процедур, он подошёл ко мне.

– Сколько?

– Пять, если подтвердят. И один с дымом ушёл, сволочь.

Я глотнул тёплой воды из протянутой кем-то стеклянной фляжки.

– Илья, тут к тебе корреспондент приехал. На КП сейчас.

Я кивнул в ответ и обошёл вокруг самолёта. Да, похоже, отлетался «яшка». На мой вопросительный взгляд Кузьмич лишь отрицательно покачал головой. Вот я и безлошадный. Похлопав не раз выручавший меня истребитель по разбитому фюзеляжу, я пошёл в сторону КП.

Ожидавшего меня корреспондента я узнал сразу. Ещё бы мне его не узнать, если я учился в школе, пионерская дружина которой носила его имя, и его большой портрет висел прямо напротив входа. Аркадий Петрович Гайдар.

Из серии очерков «Есть такая профессия – Родину защищать!»

А. Гайдар. Газета «Комсомольская правда», июль 1941 года

Воздушные рабочие войны

Рядом со мной сидит совсем молодой парень и, щурясь и чуть заметно улыбаясь, смотрит в синее-синее бескрайнее небо. Его голова перебинтована и сквозь бинты немного проступило кровавое пятно. Он только что вернулся из тяжёлого боя, где и получил лёгкое ранение.

Ему всего двадцать два года, а он уже по праву может считаться самым результативным асом наших военно-воздушных сил. В последнем воздушном бою, где он прикрывал своих товарищей, разбомбивших вражескую

переправу и колонну техники, он в одиночку уничтожил пять гитлеровских стервятников, что погнали своими крестами наше чистое небо. А несколькими днями ранее также в одиночку в одном бою вогнал в землю семь немецких самолётов. Всего на счету этого парня уже двадцать воздушных побед.

Общаться с ним очень легко. У него весёлый открытый характер. Но весёлый он только с друзьями. Врагам нашей Родины от общения с ним совсем не весело.

Это сержант Илья Копьёв, лётчик-истребитель N-го полка.

– Скажи, а страшно было выходить одному против такой своры? – спросил я его.

– Страшно, – признался он. – Но ещё страшнее было подвести своих товарищей. Страшно было упустить этих гадов. Ведь они продолжили бы нести смерть и разрушения нашей Родине. А вообще, смелый не тот, кто ничего не боится, смелый тот, кто преодолевает свой страх.

– Расскажи про свой подвиг.

– Подвиг? – усмехнулся он. – Какой же это подвиг? Это моя работа, которую я стараюсь выполнять максимально качественно. Вот есть сталевар, он рабочий мартеновского цеха. Есть колхозник, он рабочий сельского хозяйства. А мы, лётчики, воздушные рабочие войны. Профессия у нас такая.

– Это что же за профессия такая? – удивился я.

– Есть такая профессия, Аркадий, – мы с ним как-то

сразу перешли на «ты», – Родину защищать!

Он хлопнул меня по плечу и чему-то улыбнулся. И в этот самый момент у него был взгляд не двадцатидвухлетнего парня, а человека, прожившего долгую жизнь и обладающего большим жизненным опытом.

Мы долго ещё беседовали с Ильёй, и вот что он сказал:

– Сейчас отдельные несознательные и слабые духом личности, увидев временные, вызванные внезапностью нападения успехи на фронте Германии и её союзников, начинают впадать в панику. Хочу обратиться к ним. Успокойтесь, Германия уже проиграла. Она проиграла двадцать второго июня тысяча девятьсот сорок первого года. Этот день можно назвать днём начала конца Третьего рейха. Немцы совершили огромную ошибку – пожалуй, самую большую за всю свою историю, – напав на Советский Союз. Ещё никому не удалось победить Россию. И так будет впредь и навеки.

Мы, русские, не начинаем войн. Мы их заканчиваем. И заканчиваем мы их в поверженных столицах государств, напавших на нас. И я свято верю в то, что пройдёт не так много времени, и в поверженном Берлине, на закопченной стене их Рейхстага, над которым будет реять наше красное знамя, я смогу написать: «Развалинами Рейхстага удовлетворён!» А рядом уже будет другая надпись: «Дошли!» – и ниже подпись: «Рядовой пехоты Ваня». И мне не будет завидно оттого, что он меня опередил. Потому что мы

с ним братья. Братья по оружию.

А значит, работайте, братья! Приближайте тот самый час нашей общей Победы и верьте: ВРАГ БУДЕТ РАЗБИТ! ПОБЕДА БУДЕТ ЗА НАМИ!

Из воспоминаний гвардии полковника в отставке С. Г. Тимохина

Центральный архив МО СССР, 1978 год

Когда мы окончательно поверили в то, что победим? Да мы в это верили с первых же минут войны. И верили до самого последнего дня. Но, пожалуй, больше всего укрепил нашу веру один увиденный нами воздушный бой, произошедший буквально над нами в первые дни войны.

К тому времени мы постоянно отступали, стараясь хоть ненадолго задержать немцев на различных рубежах. В тот день заняли мы оборону возле небольшого хутора. Выкопали стрелковые ячейки, разместили пару уцелевших сорокапятков на флангах. Мы тогда не знали, что чуть в стороне от нас немцы навели переправу и по ней перешли на наш берег. По сути, мы уже были в окружении.

И вот где-то в обед над нами пролетели несколько краснозвёздных самолётов и принялись атаковать кого-то за небольшим леском. А надо сказать, что нашу авиацию мы в первые дни войны почти и не видели, зато немецкая висела над нами постоянно. Что там наши бомбили, нам видно не было. Видели лишь, как вспыхнул один из наших самолётов, а за ним следом

– ещё один. Кулаки сжимались от бессилия и ярости, когда мы видели, как гибнут наши соколы. Но, несмотря на потери, что-то там всё же разбомбили, потому что в той стороне в небо поднялись несколько столбов чёрного дыма.

Откуда появились немцы, мы и не поняли. Как из-под земли выскочили словно черти аж десять немецких истребителей и тут же сбили ещё один самолёт с красными звёздами на крыльях. Остальные наши развернулись и полетели на восток.

То, что произошло потом, иначе как чудом не назовёшь. Один из краснозвёздных истребителей остался и закружил с немцами в небе. Вот один из самолётов вспыхнул свечкой и понёсся к земле. Мы подумали, что всё, нашего сбили (с земли сразу и не разберёшь, где чей самолёт), но бой в небе продолжался. Вот ещё один вывалился из карусели и, сильно дымя, полетел на запад.

А потом самолёты с крестами начали падать на землю один за другим. Нам всё хорошо было видно, потому что воздушный бой шёл почти что над нами.

Один из немецких самолётов упал прямо перед нашими позициями, воткнувшись носом в землю. Пять сбитых врагов насчитали мы. И это притом, что наш был один. А если бы их было хотя бы двое, то из фрицев вообще никто не ушёл бы.

Помощь к нашему соколу подошла, когда немчура уже смазала пятки салом и драпанула. Да только наш лётчик просто так их не отпустил, свалил ещё одного

вдогонку.

Наш лейтенант тут же бросился к телефону, благо связь тогда ещё была, и доложил об увиденном.

Вот тогда-то мы и поняли, что немцев бить можно и нужно, даже если у них численное преимущество...

Уехали мы с Гайдаром вместе, рано утром, переночевав в полку. Пришёл приказ сдать оставшуюся материальную часть соседям, а остатки полка выводились на переформирование. Меня же вызывали в штаб дивизии – полагаю, для того чтобы потом отправить в Москву на награждение.

Вот уж никогда бы не подумал, что стану Героем Советского Союза. Последних пять сбитых мне всё же засчитали. Правда, с передовой сообщили о шести сбитых, но падения одного из «мессеров» никто не видел, так что он в зачёт не пошёл.

Удивило то, насколько быстро прошли по инстанциям бумаги на награждение. Видимо, на фоне военных неудач срочно понадобились герои, и меня решили сделать одним из них. Придётся, как говорится, соответствовать.

Гайдар вёз материал в газету. Мы долго с ним беседовали. Пришлось довольно сильно напрячься и, как говорится, фильтровать свои слова. Но вроде справился. Во всяком случае, судя по выражению лица Аркадия, говорил правильно, так сказать, в духе времени.

Он успел перед визитом к нам в полк раздобыть фотографии моего первого воздушного боя, и даже то самое фото,

напечатанное в дивизионной газете, на котором я на своём «яке» гоню перед собой толпу немецких пикировщиков.

С Гайдаром мы как-то сразу нашли общий язык и с первых же минут перешли на общение по именам. Я когда-то читал, что он был чуть ли не психом-маньяком. Ну не знаю, мне он показался вполне вменяемым человеком. Теперь главное – не дать ему погибнуть 26 октября 1941 года.

До штаба дивизии добрались ближе к обеду. Несколько раз пришлось съезжать с дороги в лес, укрываясь от пролетающих над нами немецких самолётов. По дорогам шло много гражданских, бегущих от войны, и асы люфтваффе с удовольствием охотились на мирных людей, безнаказанно расстреливая колонны беженцев. Наших самолётов в небе либо не было видно, либо они прилетали уже поздно, и немцы благополучно ретировались к себе.

В штабе до меня, казалось, никому не было никакого дела. Командира дивизии срочно вызвали в штаб фронта, а начальник штаба с красными от недосыпа глазами лишь махнул рукой и распорядился выписать мне документы для поездки в Москву, в штаб ВВС РККА. Ещё пару часов заняла бумажная волокита, и вот я наконец-то выбрался из суety штабных коридоров на свежий воздух.

Гайдар сразу по приезде ушёл в политотдел, находящийся в боковом пристрое к штабу, и завис там. Ну а я расположился в курилке напротив входа в политотдел, благо там никого не было. Захотелось посидеть на свежем воздухе. Ко-

гда Аркадий закончит свои дела и выйдет, непременно сразу меня увидит.

Солнце пригревало, и я не заметил, как задремал.

– Сержант! Это что ещё такое?! Ну-ка встать!

Я так сразу и не понял, что обращаются ко мне. Спросонья забыл, что я уже не подполковник запаса, а простой сержант. Да и отвык я как-то от подобного обращения.

Открыв глаза, увидел стоящего передо мной лейтенантика с красным от натуги лицом. По всему было видно, что это штабной. Вот поставьте рядом двух абсолютно одинаково одетых офицеров, и человек, много лет прослуживший в армии, безошибочно скажет вам, кто из них штабной, а кто – строевой. Есть в штабных что-то этакое, неуловимое взгляду, что отличает их от других. Этот же представитель штабной братии был одет в безукоризненно выглаженную форму, сияющие на солнце сапоги и перетянут новенькой портупеей.

Кряхтя, как старый дед, я нехотя встал с лавочки, на которой нечаянно задремал. А вообще странно, что он наехал на меня в курилке. Есть неписаное правило, что в курилке, как на водопое в дикой природе, хищники (старшие по званию) не трогают слабых (тех, у кого звание ниже). Или пока такого правила нет?

– Извините, товарищ лейтенант, задремал нечаянно.

Я изобразил, насколько мог, виноватое выражение лица.

Как говорится, подчинённый пред лицом начальника должен иметь вид лихой и придурковатый, дабы разумением своим не вводит начальство во смущение.

— Где ваш головной убор, сержант?! — продолжал орать красномордый, — На гауптвахту захотели за нарушение формы одежды?!

Я смотрел на него как на идиота. Какая, на хрен, форма одежды, когда война идёт, и идёт пока явно не так, как нам хотелось бы. Может, он контуженый? Да вроде непохож. Он, судя по его лощёному виду, и под бомбёжкой-то ни разу не был.

— Пилотка на повязку не налезает, товарищ лейтенант.

Пилотка и правда всё время норовила свалиться с бинтов на голове, и я заткнул её за ремень.

— Какая повязка?! — истерично заорал лейтенант. — Да ты симулянт! Замотал голову тряпкой и думаешь уклониться от своего священного долга бойца Красной армии! Под трибунал пойдёшь!

Всё, надоел, красавчик. Быстро осмотревшись по сторонам, делаю шаг к красномордому и резко вытягиваю его за портупею в курилку. Он и среагировать не успел, когда я нанёс ему молниеносный удар в солнечное сплетение. Усадив выпучившего глаза и пытающегося поймать хоть каплю воздуха широко открытым ртом лейтенанта на скамью, я склонился к его уху.

— Слышь, ты, щегол пестрожопый. У меня сбитых больше,

чем у тебя зубов во рту. – (Обратил внимание, что у лейтёхи нет переднего зуба.) – Я с первого дня воюю и сбиваю немцев, в отличие от тебя. А ты научись общаться с людьми, иначе когда-нибудь нарвёшься не на такого доброго, как я. А сейчас посиди и подумай.

Я уже увидел выходящего из двери Гайдара, оглядывающегося по сторонам, очевидно, в поисках меня.

– О, Илья! – Аркадий быстрым шагом направился в мою сторону. – Ты документы все получил? – И после моего утвердительного кивка продолжил: – Тогда поехали быстрее. Сейчас машина на станцию пойдёт, и я договорился, чтобы и нас захватили по пути. А что здесь происходит? – заметил он наконец лейтенанта, сидящего в неестественной позе.

Я рассказал ему о случившемся и предложил уехать побыстрее.

– Ты, Илья, иди-ка вон к той полуторке, – кивнул он в сторону грузовичка, который сейчас чем-то загружали, и сел рядом с лейтенантом. – Я сейчас подойду. Ты иди, нам тут поговорить надо.

Подходя к полуторке, я обернулся. В курилке Гайдар что-то говорил более-менее пришедшему в себя штабному, а тот только согласно кивал головой, пару раз бросив в мою сторону удивлённые взгляды.

Уже когда разместились в кузове на тюках, Аркадий повернулся ко мне.

– Илья, вот ты вообще нормальный? Ты знаешь, что за та-

кие дела трибунал бывает? Ты на хрена этого мудака ударил? И это ещё кое-кто меня называет психом. Да я ангел рядом с тобой. Хорошо ещё лейтенант оказался с мозгами и, когда узнал о твоих делах, согласился замять дело. Ты сам-то головой думай иногда, а то повстречаешь какого-нибудь принципиального и поедешь туда, где дед Макар телят не пас.

Я сидел, опустив голову. Правильно всё говорит Аркадий. Надо быть осторожнее. Как говорится, тут вам не там. Заверил Аркадия, что всё понял и осознал, и дальше мы ехали молча, глядя по сторонам.

На станции творился если и не бардак, то что-то близкое к этому. Огромная толпа гражданских, желающих уехать подальше от войны, буквально затопила прилегающую к вокзалу площадь. На перрон никого не пускали стоящие в оцеплении милиционеры. Сейчас там шла погрузка в санитарный поезд раненых из местного госпиталя.

Кое-как мы смогли пробиться к начальнику станции.

– Часа через три подадим эшелон, и я вас на него построю, – сказал он, перед тем внимательно изучив наши документы. – Как там, тяжко? – кивнул он головой в сторону.

– Тяжко, но выдюжим, – ответил я, глядя на этого уставшего пожилого мужчину в форме железнодорожника. Похоже, он не спал уже несколько дней, принимая и отправляя составы.

С трудом найдя свободный пяточок в здании вокзала, разместились и перекусили тем, что положили в дорогу повара

в полку. В штабе дивизии, из которого пришлось поспешно уехать, ни позавтракать, ни пообедать не получилось, и желудок уже настойчиво требовал пищи.

Пока я нарезал хлеб, полкруга умопомрачительно пахнувшей колбасы и открывал банку консервов, Аркадий успел раздобыть чайник с кипятком. У него в командирской сумке нашлось немного заварки в бумажном кульке и комковой сахар в холщовом мешочке. После того как утолили голод, окружающая действительность перестала быть чрезмерно мрачной. Жизнь, как говорится, налаживается.

– Бежите, значица, – даже не спросил, а ехидно констатировал сидящий рядом тщедушный старичок с седой кучей бородёнкой, в выдавшем виды пиджаке.

– По служебной надобности, отец, – опередил я пытавшегося ответить что-то резкое Гайдара.

– Так оно ж получается, что надобность-то ваша там, где вороги, а вы в другую сторону наострились. – Дедок, прищурившись, смотрел на нас. – Что же вы, ироды, нас не обороняете? Землю нашу на поругание бросаете?

– Это временно, отец. Уж больно силён немец, да и напал внезапно, прикрывшись договором о мире. Ты же, поди, и сам знаешь их подлую натуру. А немца мы разобьём. Сколько их приходило к нам с войной? И немцы, и поляки, и французы. И всех их били. Так что даже не сомневайся. Вот соберёмся с силой и вломим им. Так уж у нас на Руси заведено, что мы долго раскачиваемся, да больно бьём.

Глава 3

Москва

Нашу поездку в поезде комфортной не назвал бы даже обладатель самой богатой фантазии. Поезд плёлся с черепашной скоростью, подолгу ожидая на станциях, когда пройдут встречные эшелоны, идущие к фронту, или обгонят санитарные составы, везущие в госпитали раненых. Но всё же, как говорится, лучше плохо ехать, чем хорошо идти.

Зато было время подумать в относительно спокойной обстановке. Я всё чаще и чаще задумывался, что, может, попробовать всё же пойти по пути бесчисленной армии попаданцев, которых, если судить по прочитанным мной книгам, тут, в сорок первом году, ну просто завались. Буквально плюнуть не в кого, чтобы не попасть в попаданца. И все они в едином порыве дают советы Сталину, поют песни Высоцкого, прилаживают куда только можно командирскую башенку и внедряют промежуточный патрон и прочий ядрён батон.

Проблема только в том, что советчиков у Сталина и без попаданцев хватает, и, судя по результату, советчиков не самых плохих. Высоцкого тоже перепеть не получится. Что у меня-Силаева, что у меня-Копьёва с музыкальным слухом были, мягко говоря, не самые дружеские отношения. Да и, если честно, хоть я и слушал иногда под настроение песни

Высоцкого, но вот так, чтобы помнить, этого не было. Башенку с патроном и соответствующим батоном изобретут и приладят куда следует и без меня.

В этом вопросе меня всегда поражала наивность авторов. Ребята, чтобы что-либо изобрести и внедрить в производство, надо решить массу сопутствующих проблем, попутно изобретая и внедряя что-то ещё, не менее нужное. Заодно неплохо было бы с нуля создать несколько новых отраслей промышленности. А так, чтобы трах-бах – и на коленке сляпать МБР⁸ и шарахнуть ею по Берлину, не получится. Тут найдётся работёнка для рук и мозгов и металлургам, и радиотехникам, и машиностроителям, и просто строителям (а где и в каких условиях вы собираетесь выпускать такую высокотехнологичную вундервафлю?), и учителям, и врачам и много кому ещё.

Так что буду руководствоваться одной из заповедей врачей – не навреди, – и пусть будет, что должно.

Сколько бы ни длилась поездка, но она рано или поздно заканчивается. Вот и мы с Гайдаром наконец-то в Первопрестольной.

О Москве начала войны в моё время говорилось достаточно много. И писали, и в фильмах показывали. Правда, в основном это касалось периода, когда немцы вплотную подошли к городу и началась паника. Тем интереснее мне было посмотреть на Москву образца августа 1941 года.

⁸ МБР – межконтинентальная баллистическая ракета.

Город уже бомбили, и местами были видны следы разрушений. Заложенные мешками с песком витрины магазинов, перекрашенные здания с нарисованными фальшивыми фасадами. Даже на асфальте площадей были нарисованы крыши домов, чтобы сбить с толку немецких лётчиков. На Москва-реке на якорях стояли плоты с размещёнными на них макетами домов. Целая улица получилась.

А я смотрел на лица москвичей. В них не было паники и обречённости. Сводки Совинформбюро ежедневно сообщали об очередных оставленных городах, но люди верили. Жили и верили в Победу. Уже началась эвакуация из города женщин и детей, но народа на улицах было достаточно. Люди шли на работу, в магазины и даже в кинотеатры, в которых помимо художественных показывали обороннообучающие фильмы и боевые киноборники. У многих через плечо висели сумки с противогазами.

А через три с половиной месяца по этим улицам пройдут войска, идущие с парада на Красной площади прямо на передовую. И этот парад, ставший легендарным, вселит в сердца и души всех советских людей полную уверенность в том, что выдюжим, выстоим, преодолеем и победим.

Пока добирались до штаба ВВС РККА, нас несколько раз останавливал патруль для проверки документов. У входа в штаб мы расстались. Аркадий сразу направился в редакцию, но оставил мне номер своего домашнего телефона (кучеря-во живёт, по нынешним меркам) и настоятельно просил по-

звонить сразу, как только выпадет такая возможность. Ну а после награждения приглашал к себе в гости.

В штабе, когда я предъявил свои документы, просто не поняли, что со мной делать. Дежурный несколько раз куда-то звонил по телефону, потом вообще отправил посыльного, и вот спустя почти полтора часа за мной пришёл лощёный лейтенант и жестом велел идти за ним. Было видно, что он ну очень хочет высказаться по поводу моего внешнего вида, но сдерживается. Видимо, списывает всё на фронтовую вольницу.

Остановившись перед массивной дверью, он кивком показал мне на неё.

– Вам туда, сержант. – И, убедившись, что я его понял, повернулся и ушёл.

За дверь оказалась приёмная командующего ВВС РККА генерал-лейтенанта авиации Павла Фёдоровича Жигарева⁹.

В отличие от своих подчинённых, во всяком случае, некоторых, он принял меня хорошо, невзирая на мой несколько помятый внешний вид.

– Так вот ты какой, герой. – Он вышел из-за стола и вплот-

⁹ Жигарев Павел Фёдорович (6 [19] ноября 1900, д. Бриково, Тверская губерния – 2 октября 1963, Москва) – советский военачальник, главный маршал авиации (1955). Главнокомандующий ВВС СССР (1941–1942, 1949–1957). Возглавлял Военно-воздушные силы Союза в самый тяжёлый первый период Великой Отечественной войны. Принимал непосредственное участие в планировании и руководстве боевыми действиями советской авиации в битве за Москву. Одновременно с июля 1941-го по апрель 1942 года – заместитель народного комиссара обороны СССР по авиации.

ную подошёл ко мне. – Ну, проходи, присаживайся. Сильно зацепило? – кивнул командующий на мою повязку на голове.

– Не очень, товарищ генерал-лейтенант, царапина. Надо бы снять, да присохла. Боюсь, кровить начнёт. Хотел в санчасть обратиться, чтобы сняли, да не знаю, где она тут есть.

– Ну, с этим мы тебе поможем. От меня сразу в наш госпиталь отправим, чтоб осмотрели как полагается. А сейчас давай рассказывай, как воюется, как сумел столько немцев посбивать.

– Да как-то так само получилось, товарищ командующий, – пожал я плечами. – Взлетел, сбил и обратно вернулся.

– Ну ты и сказанул, – рассмеялся Жигарев. – У всех бы так запросто получалось. Мне тут доложили, что ты очень метко стреляешь с большой дистанции. Это как? Мы ведь учим, что нужно сблизиться с противником для точного огня.

– Это, наверное, потому, что я нигде, кроме аэроклуба, не учился и не знал об этом, – улыбнулся я. – Но я исправлюсь, товарищ командующий.

– Я те исправлюсь, – шутя погрозил мне кулаком Жигарев. – Исправится он. Ты мне вот что скажи, сержант: как дальше немца бить будем?

– Думал я об этом. Есть мысли на этот счёт.

– Ну-ка, ну-ка, давай излагай, – явно заинтересовался главком ВВС.

Я вкратце изложил идею о создании эскадрильи для выполнения задач по завоеванию господства в воздухе на от-

дельных участках фронта. Своего рода воздушный спецназ. Ну не хочу я воевать как все, как принято.

Жигарев откинулся на стуле и, задумчиво глядя на меня, пробарабанил пальцами по столу.

– Совсем недавно такую же идею высказал товарищу Сталину Супрун¹⁰. Ему было поручено сформировать из лётчиков-испытателей истребительный полк особого назначения. К сожалению, сам Супрун погиб, но его полк воюет, и достаточно успешно. Так что идея вполне жизнеспособна. А почему именно эскадрилья, а не полк?

– Эскадрилья более манёвренна. У эскадрильи не будет постоянного места дислокации. Прилетели в нужный район, расположились на базе уже имеющихся авиаподразделений, устроили террор противнику и улетели. Задачей будет свободная охота. А ещё я предлагаю придать самолётам эскадрильи особую окраску. Например, выкрасить в красный цвет оконечности крыльев. Это деморализует немцев и позволит в случае необходимости дезинформировать их.

– Это как? – удивился Жигарев.

– Тут всё просто, товарищ генерал-лейтенант. Для начала приучим немцев к тому, что там, где появляется эскадрилья, в скором времени начинается наступление. А потом,

¹⁰ *Супрун Степан Павлович* – советский лётчик-испытатель, военный лётчик-истребитель. Проводил испытания самолётов И-16, И-180, Як-1, И-21, ЛаГГ-1, ЛаГГ-3, Supermarine Spitfire. Первый дважды Герой Советского Союза в Великой Отечественной войне (второй раз – посмертно). Погиб 4 июля 1941 года.

если того потребует ситуация, возвращаем своим самолётам стандартную окраску и улетаем, а на месте оставляем перекрашенную в наши цвета местную эскадрилью – демонстрировать наше присутствие. Пусть немцы ждут удара там, где не планируется. Конечно, это можно будет проверить раза три-четыре, пока не раскусят, но оно того стоит.

– Знаешь, сержант, разговариваю с тобой, а такое ощущение, что говорю как минимум с полковником. Дельные мысли у тебя. Изложи-ка ты их мне в форме докладной записки. Будем думать, что дальше делать. Во всяком случае, сформировать одну эскадрилью в любом случае сможем.

Мне предоставили отдельную комнату, и я засел за бумажную работу. Итак, за основу возьмём эскадрилью трёхзвённого состава. В каждом звене две пары. Итого имеем двенадцать машин плюс самолёт командира эскадрильи и его ведомого – всего четырнадцать истребителей. Естественно, самолёты хотелось бы не серийные, а улучшенные. На каждую машину один техник и один оружейник. При этом оба должны быть, что называется, взаимозаменяемые. Итого обслуживающего персонала двадцать восемь человек. И необходим минимум один транспортный самолёт для перевозки технической службы и расходников.

Приведя всё, что называется, в удобоваримый вид, отдал докладную адъютанту командующего и с сопровождающим отправился в госпиталь ВВС. Повязку мне отмочили и аккуратно сняли. Страшного ничего не было, поэтому уже по-

что зажившую рану обработали и отпустили с миром. Хотя нормально головной убор надену, а то надоело уже сверкать бинтами.

После госпиталя вернулись в штаб, где в строевом отделе зачитали приказ о присвоении мне звания младшего лейтенанта и награждении меня орденом Красной Звезды за мой последний бой и медалью «За боевые заслуги» за сбитый самолёт-разведчик. Причём за «раму» представление к медали написал командир стрелковой дивизии, которую эта самая «рама» долго терроризировала. А я читал, что награжденные очень долго ходили по инстанциям. Или, может быть, это просто мне так повезло?

Ну а затем мне выдали новое обмундирование, уже командирское, разместили в гостинице, выдали талоны в ресторан, пропуск по городу и велели ждать. Награждение планировалось через пять дней, так что было время отдохнуть и подумать, как жить дальше. Единственно, что попросили, в случае если куда отлучусь, по телефону ставить об этом в известность дежурного по штабу.

В гостиничном номере я первым делом залез в ванну и больше часа отмокал. Вот в чём счастье, но поймёт это лишь тот, кто был долго лишён такой радости, как возможность нормально помыться. В ресторан я спускался уже гладко выбритым, пахнущим щедро вылитым на себя одеколоном, в новенькой, ещё толком не обмятой форме с орденом и медалью слева на груди.

Бросив взгляд в большое, в два роста зеркало, невольно залюбовался. Всё же многое во мне осталось от Копьёва. Мальчишество какое-то. Вот стал бы я-Силаев буквально с щенячьим восторгом воспринимать то, что в петлицах у меня сияет по одному кубарю младшего лейтенанта? Нет, наградам я был рад, тем более что их честно заслужил, но повышение меня-подполковника до младлея воспринимал с иронией. А вот для Копьёва это было очень серьёзным шагом в карьере. Ну а, судя по отражению в зеркале, я, что называется, «красавчег».

Вообще, у Силаева и Копьёва оказалось на удивление много общего. Даже родились мы с ним в один день – 24 марта. Всё детство и юность Копьёва прошли в Саратове, в детском доме. Своих родителей он не помнил, но по рассказам воспитателей знал, что они умерли в двадцатом во время эпидемии испанки¹¹. Соседство с Республикой Немцев Поволжья привело к тому, что он с самых ранних лет свободно говорил как на русском, так и на немецком языках. В школе учил английский, впрочем, без особого успеха.

Мои, Силаева, детство и юность также прошли в Саратове, но на четыре десятилетия позднее. Родители погибли во время сплава по одной из рек на Урале, когда мне было три

¹¹ *Испанка, или испанский грипп* – общепринятое название гриппа во время масштабной пандемии, продолжавшейся с 1918-го по 1920 год. Заболевание поразило не менее 550 миллионов человек (около 30 % населения Земли). Число умерших от испанки достоверно неизвестно, различные оценки составляют от 17,4 млн до 100 млн человек.

с половиной года, и я остался жить с бабушкой и дедом со стороны мамы. С отцовской стороны никого у меня не было. Дед, лётчик, погиб в сорок первом, а бабушка умерла ещё до моего рождения. Вторая бабуля у меня была филологом и поэтому взялась за воспитание из внука всесторонне развитой личности. К десяти годам я вполне сносно говорил, кроме русского, ещё и на немецком, английском и французском языках.

Мой выбор, когда я заявил о желании поступить в лётное училище, бабушка с дедом восприняли спокойно, лишь пожелав мне подойти к учёбе со всей ответственностью и старанием. Кстати, знание трёх иностранных языков в военном училище не принесло мне особой радости: в дни, когда мои сокурсники постигали тонкости произношения и зубрили слова и тексты, я шёл в наряд. А учитывая, что иностранный язык был дважды в неделю, в наряды первые два года я ходил очень часто.

Местный общепит неожиданно приятно удивил. Несмотря на войну, кормили в ресторане гостиницы очень даже неплохо. Вот только кофе подкачал: судя по вкусу, цикория в нём было как бы не больше, чем самого кофе. При этом коньяк, которого я взял сто пятьдесят граммов, был просто божественным. Я вообще из всех алкогольных напитков всегда предпочитал именно коньяк. Конечно, за него пришлось заплатить отдельно, но оно того стоило, благо денежное довольствие мне выдали уже как командиру.

В оставшиеся до награждения дни меня дважды вызывали в штаб ВВС и ещё пару раз я сам выбирался в город. Просто ходил по военной Москве и смотрел – в основном на людей. Открытые чистые лица, в которых хоть и была заметна тревога, но не было обречённости. Военных патрулей тоже было предостаточно. Документы у меня проверяли раз десять точно.

Визиты в штаб ВВС дали понять, что моё предложение, похоже, нашло отклик. Во всяком случае, как я понял, уже решался вопрос с оснащением эскадрильи техникой и подбором лётного и технического состава. Попросил, если есть такая возможность, перевести в эскадрилью старшину Федянина. Также пока было непонятно, кто станет командиром.

А ещё меня взяли в оборот ребята из политуправления РККА. Всё же, как я понял, из меня делали героя и пример для подражания. Поэтому, наверное, и наградные так быстро утвердили. В принципе, дело нужное, особенно в такой не самый простой период.

Пришлось даже выступить на радио. Сама студия не впечатлила. В той своей жизни я частенько смотрел по интернету прямой эфир из студий радиостанций. Естественно, сравнивать то, что я увидел здесь, с виденным ранее было бы некорректно.

Накануне в политуправлении мне предложили помочь написать речь для выступления, но я отказался. Уж найду что сказать слушателям.

Меня усадили на стул за столом, на котором был установлен здоровенный, архаичного вида микрофон. Рядом, напротив точно такого же микрофона, сидела серьёзная девушка-ведущая.

– Здравствуйте, товарищ Копьёв, – поздоровалась она, вставая и протягивая мне свою ладошку.

Затем она объяснила мне, как будет проходить эфир, а это реально был прямой эфир. Она представит меня, я скажу небольшую речь, и на этом всё. М-да, в моём времени устроили бы целое ток-шоу, а здесь этого пока не умеют. А вот к лучшему это или нет, неизвестно.

На стене напротив загорелась зелёная лампочка. Эфир пошёл.

– Здравствуйте, товарищи радиослушатели! – бодрым голосом начала ведущая. – Сегодня у нас в студии у микрофона лётчик-истребитель N-го полка младший лейтенант Копьёв, который с начала боевых действий сбил двадцать самолётов противника. За умелые и решительные действия товарищ Копьёв представлен к званию Героя Советского Союза. Дадим слово нашему гостю.

– Здравствуйте, товарищи! – Я чуть подался вперёд к микрофону. – Жестокая и кровавая война пришла в наш с вами дом. Коварный враг, нарушив все взятые на себя международные обязательства, пришёл на нашу землю, чтобы разрушить всё то, что было построено руками народа, сбросившего с себя оковы рабства, чтобы сделать рабами тех, кто

покрепче, и уничтожить тех, кто слаб. Но враг просчитался. Это им не Европа, это Россия! Здесь парадным маршем не пройдёшь! Здесь сама земля горит под ногами захватчиков! Много их приходило на нашу землю, и все они ощутили крепость русской стали в своём брюхе.

Двадцать второе июня тысяча девятьсот сорок первого года станет датой начала конца нацистской Германии. И через пятьдесят лет немцы будут вздрагивать в страхе от звука русской речи. Сегодня линия фронта проходит не только там, где трещат пулемёты и рвутся снаряды. Сегодня фронт проходит через каждый станок, через каждую ученическую и студенческую парту, через каждую соху в поле. От работы каждого зависит, насколько быстро придёт час нашей окончательной Победы! А значит, всё для фронта! Всё для Победы!

Сверху мне хорошо видны чёрные щупальца вражеских колонн, что топчут нашу землю. Во многих местах эти щупальца уже горят, источая смрадный дым, но остальные продолжают тянуться вперёд, чтобы задушить нас. И знаете, о чём я думаю, когда вижу их? Я думаю лишь о том, где мы их всех хоронить будем. Их Гитлер пообещал каждому своему псу русскую землю и железный крест. Ну что же, я думаю, надо помочь Гитлеру выполнить своё обещание. Каждой фашистской сволочи выделим клочок земли метр на два и два в глубину. Железных крестов не обещаем, но берёзовые гарантируем. А для гитлеровских стервятников даже не надо

крестов на могилы, сойдут и на крыльях кресты.

В заключение своего выступления я хочу сказать всем бойцам на передовой и труженикам в тылу: ВРАГ БУДЕТ РАЗБИТ! ПОБЕДА БУДЕТ ЗА НАМИ!

Награждение в Кремле прошло достаточно торжественно. Сталин выступил с речью, а потом Михаил Калинин, «всесоюзный староста», дедушка с айболитовской бородкой, вручил мне золотую медаль Героя Советского Союза и орден Ленина. Кроме меня различные ордена получили ещё четырнадцать человек. А после церемонии откуда-то появился Жигарев и повёл меня по кремлёвским коридорам.

Часто в книгах про попаданцев, которые я иной раз почи- тывал от нечего делать, рассказывалось о том, как попаданцы благоговели от визита к Сталину и прям каждой клеточкой чувствовали ауру власти в его кабинете. Может, я какой-то неправильный попаданец, но ничего подобного я не почув- ствовал. Колыхнулось где-то в глубине души что-то похожее на ликование, но, видимо, это была реакция копьёвской ча- сти сознания.

Сталин выглядел устало. Было видно, что ситуация на фронтах оптимизма ему не добавляла.

– Товарищ Жигарев ознакомил меня с вашей, товарищ Копьёв, инициативой по формированию эскадрильи специ- ального назначения, – без всяких прелюдий, не вставая из-за стола, с лёгким грузинским акцентом начал Сталин. – Ана-

логичное предложение товарища Супруна уже было принято, и сформированный им из опытных лётчиков полк успешно воюет. Вы тоже предлагаете формировать эскадрилью из лётчиков-испытателей?

– Нет, товарищ Сталин. Я предлагаю формировать из строевых лётчиков тех полков, остатки которых выведены на переформирование, – уверенным голосом ответил я.

– Объясните.

Было видно, что слово «остатки» сильно задело вождя.

– Они выжили в мясорубке первых, самых тяжёлых дней и уже имеют реальный боевой опыт.

– А если отозвать с фронта опытных пилотов из воюющих частей?

Сталин чуть прищурился, глядя на мою реакцию.

– Я считаю, что это несвоевременно, – глядя ему в глаза, ответил я, – Опытные лётчики пусть передают свой опыт другим. Они нужнее на своих местах.

Видимо, мой ответ понравился хозяину кабинета. Сталин задумчиво повертел карандаш в пальцах и прямо спросил:

– Вы, товарищ Копьёв, сможете сформировать и подготовить к боям такую эскадрилью?

– Да, товарищ Сталин, смогу.

– Ну что же, – Сталин встал из-за стола, подошёл к нам с Жигаревым и протянул мне руку, – действуйте, товарищ капитан.

Я пожал протянутую мне крепкую ладонь.

– Извините, товарищ Сталин, но я младший лейтенант.

– Есть мнение, – чуть заметно усмехнулся Сталин, – что товарищ Сталин хорошо разбирается в воинских званиях Красной армии. Сроку вам пять дней на всё. Этого времени должно хватить, ведь не дивизию формируете. По истечении пяти дней вы должны вылететь на фронт.

– Спасибо, товарищ Сталин, – я всё ещё держал его ладонь, – но не меньше двух недель.

– Что?! – Сталин от неожиданности даже забыл, что всё ещё пожимает мне руку. – Вы, товарищ Копьёв, знаете, какое положение на фронтах?! – чуть повысил он голос и сильнее стиснул мне руку.

– Именно поэтому я прошу на подготовку две недели, а не полтора-два месяца, – тоже чуть усилил нажим я. – Одна эскадрилья *пока* погоды не сделает, а лётчикам надо слетаться друг с другом и освоить новые тактические приёмы. Нам и так в эти две недели спать придётся не более четырёх-пяти часов в сутки. А вот после мы таких дел наворотим, что асы Геринга будут просыпаться ночами в холодном поту и с мокрыми подштанниками.

Мы с минуту мерились со Сталиным взглядами, всё ещё сжимая ладони друг другу. Жигарев стоял рядом ни жив ни мёртв. Он вообще не ожидал, что я себя так поведу с Верховным главнокомандующим.

– Наглец, – произнёс Сталин, отпуская мою руку. Я тоже ослабил хватку. – Наверное, потому и герой, что наглец. – Он

прошёлся по кабинету. – Хорошо, пусть будут две недели, начиная с сегодняшнего дня. Надеюсь, теперь вы, товарищ Жигарев, уложите в срок? – обратился он к главкому ВВС.

– Уложимся, товарищ Сталин, – вытянулся перед вождём Жигарев.

– Есть ещё кое-что, товарищ Сталин.

Я всё же решился выдать кое-какую информацию из будущего.

– Что ещё? – чуть раздражённо спросил Сталин.

– Когда я после курсов авиатехников ехал к месту службы, то в поезде моим соседом был один старик. В руках он всё время держал какую-то большую и толстую книгу, аккуратно завёрнутую в материю. Я попросил посмотреть её, и он разрешил. Это был ещё дореволюционный атлас. На его развороте была карта Российской империи, а на ней нанесено несколько значков. Я спросил, что это за значки, и старик рассказал мне, что ещё задолго до Империалистической¹² он был участником нескольких геологических экспедиций, а значки обозначают места нахождения месторождений алмазов.

– Алмазов? – удивился Сталин. – Мне докладывали, что на территории СССР нет и не может быть таких месторождений.

– Возможно, в неразберихе Гражданской войны сведения об экспедициях были утеряны, но тот старик рассказывал

¹² Имеется в виду Первая мировая война.

вполне уверенно. Одно из мест нахождения алмазов находится близ Архангельска, так что проверить будет не так и сложно.

– Вы, товарищ Копьёв, можете вспомнить, где именно были отмечены эти самые месторождения?

– Не с точностью до метра, но смогу, товарищ Сталин. У меня хорошая память.

Сталин отдал распоряжение, и вскоре на столе лежала карта СССР. Карандашом я отметил примерное местонахождение алмазов в Архангельской области и будущий город Мирный¹³. Заодно пояснил, что про Архангельск помню достаточно точно, а вот координаты алмазов в Якутии – только приблизительно.

– Это не проблема. – Сталин задумчиво смотрел на карту, дымя своей легендарной трубкой. – Если там действительно есть алмазы, то отыщем. А этого вашего попутчика вы больше не встречали?

– Нет, товарищ Сталин. Разговор был вечером, а наутро, когда я проснулся, его уже не было. Вероятно, сошёл где-то с поезда.

Меня всегда забавляло в книгах о попаданцах то, с какой уверенностью и точностью они показывали на карте, где есть нефть, золото, алмазы, уран и прочее. Да попросите сот-

¹³ *Город Мирный* – алмазная столица России. Своим существованием и названием город обязан открытию в 1955 году кимберлитовой трубки «Мир».

ню человек, окончивших школу лет десять назад, показать это всё на карте и, пожалуй, только пара человек что-либо вспомнят. Мне же в своё время довелось недолго послужить под Архангельском, и у нас в полку прапорщик из БАО¹⁴, из местных, матерился, говоря, что мы ходим буквально по алмазам, а элементарных вещей купить не можем. От него я и узнал про архангельские алмазы. Ну а про Мирный знал и так.

После этого меня отправили в приёмную ожидать своего главкома.

Уже в машине Жигарев снял фуражку и, достав платок, вытер пот со лба и шеи.

– Ну ты, капитан, и наглец, – покачал он головой. – Так с товарищем Сталиным ещё никто не разговаривал. Он так и сказал, что ты самый нахальный молодой капитан ВВС. Но ты ему понравился, так что цени. Приказано оказать тебе всю возможную помощь. Однако помни, что теперь ты на виду и в случае чего падать будет ой как больно.

А я лишь усмехнулся про себя. Очень скоро, буквально в октябре месяце, когда немцы будут рваться к Москве, генерал армии Апанасенко¹⁵, командующий Дальневосточным

¹⁴ БАО – батальон аэродромного обслуживания.

¹⁵ Апанасенко Иосиф Родионович (3 [15] апреля 1890 – 5 августа 1943) – советский военачальник, генерал армии (1941). В июне 1943 года И. Р. Апанасенко после многочисленных просьб о направлении в действующую армию был назначен заместителем командующего войсками Воронежского фронта. Выезжал в части и на передовую, руководил частями во время боевых действий. Во время

фронтом, будет матом орать на Сталина в ответ на приказ отправить под Москву противотанковую артиллерию. И при этом Сталин не только не отдаст приказа расстрелять дерзкого генерала, но и оставит того в прежней должности и всегда будет ценить.

Моё выступление по радио очень понравилось начальнику Главного политического управления РККА армейскому комиссару 1-го ранга¹⁶ Льву Мехлису¹⁷.

боёв под Белгородом 5 августа 1943 года был убит при авианалёте. Н. С. Хрущёв вспоминал, что пролетел один самолёт, и брошенная им бомба разорвалась далеко, но осколок попал точно в Апанасенко. При нём нашли записку, в которой он клялся в верности Коммунистической партии. Памятный разговор со Сталиным состоялся в октябре 1941 года. Уже в конце разговора Сталин поинтересовался, сколько в распоряжении Дальневосточного фронта имеется противотанковых пушек. Апанасенко ответил (пушек, кстати, было немного). И Иосиф Виссарионович приказал отправить пушки для обороны Москвы. Реакцию генерала присутствовавший при этом Борков, первый секретарь компартии Хабаровского края, описывает так: «И тут вдруг стакан с чаем, стоящий напротив Апанасенко, полетел по длинному столу влево, стул под генералом как бы отпрыгнул назад. Апанасенко отскочил от стола и закричал: „Ты что?! Ты что делаешь?! Мать твою так-перетак! А если японец нападет, чем буду защищать Дальний Восток? Этими лампасами?! – и ударил себя руками по бокам. – Снимай с должности, расстреливай – орудий не отдам!“ Я обомлел. Пронзила мысль: это конец, сейчас позовет людей Берии, и погибнем оба». Однако Сталин конфликтную ситуацию быстро замял и сказал: «Успокойся, успокойся, товарищ Апанасенко! Стоит ли так волноваться из-за этих пушек? Оставь их себе».

¹⁶ *Армейский комиссар 1-го ранга* – высшее воинское звание в Красной армии и Военно-морском флоте СССР для военнополитического состава.

¹⁷ *Мехлис Лев Захарович* (1 [13] января 1889, Одесса – 13 февраля 1953, Москва) – советский государственный и военно-политический деятель, генерал-полковник (29 июля 1944). 21 июня 1941 года назначен начальником Глав-

Едва я успел зайти в штаб ВВС, как мне передали, что звонили из Главпура и просили подойти к ним. Получив разрешение от Жигарева, я направился туда. Появился хороший шанс решить один вопрос.

Дело в том, что Гайдар уже несколько раз жаловался, что его не отпускают на фронт в действующую армию. Вот я и решил попросить направить его в формирующуюся отдельную эскадрилью на должность комиссара. Он ведь всё равно не усидит дома и под любым предлогом сбежит на фронт, где и сложит голову, как это было в моём прошлом. А так у него есть реальный шанс уцелеть. Глядишь, и вправит мозги внуку¹⁸.

ного политуправления и заместителем наркома обороны. С 4 по 12 июля 1941 года – член Военного совета Западного фронта. С 10 июля 1941 года – заместитель народного комиссара обороны СССР. По итогам его деятельности на Крымском фронте директивой Ставки № 155452 от 4 июня 1942 года Мехлис был понижен в звании на две ступени, до корпусного комиссара, и снят с поста заместителя наркома обороны и начальника Главполитупра.

¹⁸ Внуком Аркадия Гайдара является Егор Тимурович Гайдар – российский либеральный реформатор, государственный и политический деятель, экономист, доктор экономических наук. Один из основных руководителей и идеологов экономических реформ начала 1990-х в России. В 1991–1994 годы занимал высокие посты в правительстве России, в том числе в течение шести месяцев (июнь – декабрь 1992 года) был и. о. председателя правительства. Принимал участие в подготовке Беловежского соглашения. Под руководством Гайдара начался переход от плановой к рыночной экономике, были проведены либерализация цен, реорганизация налоговой системы, либерализация внешней торговли, начата приватизация. Один из ключевых участников событий со стороны правительства во время Конституционного кризиса 1993 года и прекращения деятельности Съезда народных депутатов и Верховного Совета России. Организатор антивоенных

В Главпуре меня хотел видеть сам Мехлис. Он долго спрашивал меня о моей, то есть Копьёва, жизни до войны, об учёбе в аэроклубе и жизни в детдоме. Под конец я всё же смог высказать свою просьбу.

– Гайдара? – удивился Мехлис. – Он же неоднократно лечился в психиатрических клиниках¹⁹. Его даже из партии исключали в двадцать втором году. Зачем он вам? Как писатель и корреспондент он проявил себя, конечно, очень хорошо, но не думаю, что как комиссар он будет на своём месте. Мы подберём вам надёжного, проверенного товарища.

– Видите ли, товарищ армейский комиссар первого ранга, товарищ Сталин поручил мне сформировать не совсем

митингов во время Первой чеченской войны. Основатель и один из руководителей партий «Демократический выбор России» и «Союз правых сил». Руководитель фракции «Выбор России» в Государственной Думе первого созыва (1993–1995) и депутат от фракции СПС Думы третьего созыва (1999–2003). Принимал участие в разработке Налогового кодекса, Бюджетного кодекса, законодательства о Стабилизационном фонде.

¹⁹ Гайдара демобилизовали из РККА с диагнозом «травматический невроз», который развился вследствие повреждения спинного и головного мозга после ранения осколком шрапнели и неудачного падения с лошади в 1919 году. В анамнезе, «составленном со слов больного», было отмечено, что болезнь проявилась во время сражений с белогвардейцами в Енисейской губернии: «Тут появилась раздражительность, злобность. Появилось ухарство, наплевательское отношение ко всему, развинченность... Стали появляться приступы тоскливой злобности, спазмы в горле, сонливость, плакал». Затем Гайдар неоднократно лечился в психиатрических клиниках. Он постоянно испытывал резкие перепады настроения. Сохранились воспоминания о том, что он несколько раз резал себя бритвой, и только своевременное вмешательство близких и врачей спасало его от неминуемой смерти.

обычную эскадрилью. И комиссар у нас тоже должен быть не обычный. Я бы даже сказал, с некоторой...

Я замялся, подбирая слова.

– С придурью, – усмехнулся Мехлис. – Ну что же, я вас понял, товарищ Копьёв. Будет вам Гайдар, если, конечно, он сам согласится. Но это уже ваше дело – его уговорить.

Было видно, что Мехлис потерял всякий интерес к разговору.

Решив все вопросы и попрощавшись, я из приёмной Мехлиса позвонил Гайдару домой и сказал, что скоро приеду для важного разговора.

Едва услышав моё предложение, Гайдар издал нечто похожее на вопль индейцев, отправляющихся за скальпами бледнолицых, и едва не пустился в пляс. Пока он носился из комнаты в комнату, собирая какие-то бумаги и вещи, я подошёл к его супруге Доре Матвеевне, которая стояла в дверях кухни и утирала платком слёзы.

– Вы же знаете, какой он шебутной, – обратился я к ней. – Всё равно сбежит на фронт и попадёт в какуюнибудь переделку. А у нас в авиации и дело будет ему по душе, и шансов уцелеть значительно больше, чем в пехоте.

– Он уже собирался добровольцем уйти на фронт, – кивнула она в сторону бегающего из комнаты в комнату мужа. – Это даже хорошо, что он будет с вами, Илья. Он о вас очень хорошо отзывался.

Глава 4

Эскадрилья

В Раменское, где предстояло сформировать и подготовить эскадрилью, приехали уже кое-каким личным составом. Утром на следующий день после награждения и разговора с Мехлисом мне представили восемь лётчиков, которых направили в эскадрилью. Естественно, ни о каком отборе речи не было. Как говорится, бери что дают. Хотя все имели боевой опыт, а кое-кто даже был сбит и прыгал с парашютом из горящего истребителя.

Старший лейтенант Шилов Андрей Никанорович. Летал на И-15, И-16, перед самой войной освоил Як-1, ЛаГГ-3. В последнем бою был сбит и вынужден был прыгать с парашютом. Личный счёт – три сбитых: два Ме-109 и один Ю-87. Награждён медалью «За боевые заслуги».

Старший лейтенант Гуладзе Зураб Ревазович. Летал на И-16, МиГ-3. Личный счёт – три сбитых: один Ме-109, один Ю-87 и один «Хенкель-111». Награждён медалью «За боевые заслуги».

Лейтенант Мищенко Сергей Тарасович. Летал на И-16, И-153, освоил Як-1. Два сбитых, оба Ме-109.

Лейтенант Смолин Фёдор Михайлович. Летал на И-15, И-16, освоил Як-1. Был подбит зенитным огнём. Сажал ис-

требитель на брюхо.

Лейтенант Гоч Николай Николаевич. До войны работал инструктором по лётной работе в Осоавиахиме²⁰. Летал на И-15, И-153, И-16, освоил Як-1. Личный счёт – два сбитых «мессера».

Младший лейтенант Филонов Яков Александрович. Летал на И-16, Як-1. На счету один сбитый Ю-88.

Младший лейтенант Суворов Виктор Андреевич. Летал на И-16, ЛаГГ-3. Личный счёт – три сбитых: Ю-87, Ю-88 и Ме-109.

Младший лейтенант Шишов Иван Сидорович. Летал на И-16, Як-1. В бою был сбит, выбросился с парашютом. Один сбитый Ю-87.

Народ подобрался боевой. Надеюсь, и оставшиеся пятеро, которые должны прибыть завтра-послезавтра, уже на аэродром, будут не хуже. Увы, но Гайдар к нам пока присоединиться не мог: его отправили на какие-то краткосрочные курсы. Ещё с нами приехал назначенный начальником особого отдела младший лейтенант госбезопасности Данилин Олег Сергеевич. Всё никак не могу привыкнуть к тому, что хоть он и младший лейтенант по званию, но в петлицах у него по три кубаря, как у старлея. Путаюсь периодически.

Да, есть у нас даже свой особый отдел. Мы, как-никак, не

²⁰ *Осоавиахим* – Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству. Советская общественно-политическая оборонная организация, существовавшая в 1927–1948 годы, предшественник ДОСААФ.

абы кто, а 13-я отдельная истребительная эскадрилья. Как сказал Жигарев: «Наслышан я о том, как немцы вопили по радио, что в воздухе тринадцатый. Пусть теперь вопят, что в воздухе тринадцатые».

Стало понятно и то, почему суесться в штабе ВВС начали ещё до того, как Сталин дал добро на формирование эскадрильи. В том, что так и будет, тот же Жигарев не сомневался. А побегав по кабинетам, оформляя различные документы, я узнал, что, когда Супрун формировал свой полк, все сроки были сорваны, и это вызвало недовольство Сталина. Вот Жигарев и подстраховался, заранее, так сказать, подстелив себе соломки.

Так что приехали мы не на пустое место, а к уже имеющимся техническим службам и пригнанным с завода самолётам. А уж с самолётами Жигарев, можно сказать, уважил. Во-первых, все они были, что называется, бригадирской сборки, то есть собраны с соблюдением всех требований и с особым качеством. Во-вторых, все они были полностью радиофицированы. Сразу стало понятно, что эскадрилья является любимым детищем главкома. Теперь главное — это не подвести его.

Едва я вышел из автобуса, очень сильно напоминающего тот, что видел в фильме «Место встречи изменить нельзя», как на меня буквально налетел не кто иной, как старшина Федянин. Блин, вот сил у человека немерено. Чуть не раздавил меня в своих медвежьих объятиях. Я уже не раз замечал,

что в этом времени люди более искренни в своих чувствах.

Старшина вдруг вспомнил, в каком я теперь звании, и несколько смущённо, стесняясь проявленных чувств, отстранился.

– Виноват, товарищ капитан.

– Ты это брось, Кузьмич. – Я сам был смущён таким проявлением эмоций. – Мы с тобой с первого дня вместе, так что...

Дальше я просто не нашёл слов.

За всем этим наблюдали высыпавшие из автобуса лётчики и особист.

– Через тридцать минут общее построение личного состава, – объявил я. – Сейчас всем оправиться, перекурить.

До построения я успел обойти выстроенные в ряд четырнадцать наших истребителей. Красавцы! И окраска соответствующая. Крылья примерно на метр от оконечности сверху и снизу выкрашены в ярко-красный цвет.

– Илья, – неслышно подошёл сзади Кузьмич, – я тут это... Я машину для тебя выбрал. И номер уже нанёс. Твой, тринадцатый. Вот он, – кивнул старшина на стоящий с краю «як».

Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что этот истребитель мой. Я молча обошёл его по кругу, заглянул в кабину.

– Спасибо, Кузьмич, уважил, – широко улыбнулся я. – Надеюсь, ты его за собой закрепил?

– Неужели я его кому-то другому доверю? Так я за крас-

кой? Звёздочки рисовать.

Я стоял перед коротким двухшереножным строем, и мне было откровенно не по себе. На меня смотрели три с половиной десятка пар глаз. Кто-то смотрел в обалдении, а кто-то и с фанатичным блеском в глазах. Один Кузьмич был доволен, как кот, объевшийся сметаной, и посматривал на остальных с таким видом, словно хотел сказать: мол, вот смотрите, какой у нас командир. Не птенец неоперившийся, а орёл, уже вкусивший вражьей крови.

А всё дело в том, что я наконец-то снял кожаную куртку, которую буквально зубами вырвал у вещеви́ков и в которой ходил всё время. Естественно, что под курткой мои награды видно не было. Зато забавно было наблюдать, как награждённые медалями лётчики посматривали с видимым превосходством, в том числе и на меня, и всеми силами старались, чтобы их сияющие на солнце медали были видны всем. Да, в это время народ ещё не избалован наградами, и получить медаль, а тем более орден, невероятно почётно.

Что уж говорить о Звезде Героя. А тут у молодого командира вдруг обнаруживается такой иконостас на груди.

Пожалуй, никаких эмоций на лице не было лишь у нашего особиста, что стоял чуть сзади и сбоку от меня. Не удивлюсь, если он уже наизусть выучил личные дела всего личного состава эскадрильи.

– Здравствуйте, товарищи! – поприветствовал я строй, вскинув ладонь к козырьку фуражки, и после ответного

«здравжелаемтарщкапитан» продолжил: – Поздравляю вас с формированием тринадцатой отдельной истребительной эскадрильи! Кто-то, верящий в приметы, может сказать, что это несчастливое число, и я с ним соглашусь. Это число действительно несчастливое, но лишь для наших врагов. И пусть каждая встреча с нами будет для них последним, что они увидят в своей жизни. А чтобы так всё и было, нам предстоит ближайшие две недели активно учиться. Спать будем мало, а работать – много. Ну да на фронте потом отдохнём.

На этом лирику закончим и перейдём к некоторым назначениям. Первое: моим заместителем и начальником штаба эскадрильи назначается старший лейтенант Шилов. Второе: старшим над технической службой назначается старшина Федянин. И третьим будет приказ об установлении в эскадрилье сухого закона на время подготовки. Любой, замеченный в употреблении спиртных напитков, будет с соответствующей записью в личном деле отправлен в распоряжение кадров ВВС и, скорее всего, до самого конца войны будет возить почту в глубоком тылу.

Последнее распоряжение вызвало чуть слышимый горестный вздох.

Затем я распустил строй и занялся распределением лётчиков по самолётам. И опять вышел казус. Я пришёл на стоянку самолётов чуть позже всех и застал уже знакомую мне по полку картину. Весь личный состав столпился возле моего «яка» и с восхищением рассматривал его. Блин, ну вот

когда только успел Кузьмич намалевать звёздочки на фюзеляж? Хотя выглядело очень даже солидно.

— Ну, чего столпились? — прикрикнул я, впрочем, беззлобно. — Заняться нечем, так я найду. А вы чего zenки вылупили? — это уже к лётчикам. — Скоро и у вас не меньше будет. Даже ещё больше, потому что меньше пятидесяти сбитых каждым из вас я просто не пойму.

Заодно закрепил старшего лейтенанта Гуладзе и младшего лейтенанта Суворова, не имеющих опыта полётов на Як-1, за опытными лётчиками. Наставником Гуладзе стал Шилов, а Суворова под своё крыло взял лейтенант Гоч. Задача была поставлена следующая: чтобы сегодня же к вечеру оба наших «птенца» могли выполнять рулёжку по полю. Завтра будем, как говорится, ставить их на крыло. Должны справиться, тем более что «як» — довольно простой истребитель.

Гуладзе буркнул было что-то насчёт того, что за такой короткий срок машину не освоить, на что я ответил:

— Запомните, товарищ старший лейтенант, советский лётчик может летать на всём, что летает, и в отдельных случаях даже на том, что летать в принципе не может. Так что задача вам поставлена, сроки определены. За работу, товарищи.

А сам я направился к местному командованию — знакомиться и договариваться насчёт питания личного состава, топлива и боеприпасов. Как рассказал Федянин, они всё время, что находятся здесь, питаются лишь сухпайками. Хорошо хоть палатки выделили на всех.

А вообще, мне здесь не нравилось. Как мне перед отъездом сообщили в штабе ВВС, сейчас здесь, в Раменском, формируются целых три полка, и наша эскадрилья оказалась попросту никому не нужна, хотя и был уже отдан грозный приказ оказывать нам всяческое содействие. Да и об интенсивных полётах здесь говорить не приходится. В небе постоянно кружатся самолёты формируемых полков, и втиснуться в их полётный график не представляется возможным. Зато буквально в семи километрах имелся неиспользуемый небольшой аэродром Осоавиахима. Для полка он был мал, а вот для нас – самое то.

Договорился о подвозе горячего питания (топать до столовой было далековато, потому что нас загнали в самый дальний угол, чтобы под ногами не мешались), топлива и боеприпасов. Заодно созвонился со штабом ВВС и утряс вопрос с перебазированием на новую площадку. Блин, целые сутки потеряем впустую. Хорошо ещё, что оставшиеся пять лётчиков, которые прибудут завтра, имеют опыт полётов на «яках». Иначе мы просто не успеем подготовиться.

Ну а пока отправил старшину Федянина с половиной механиков и оружейников на честно отжатых двух полуторках на новое место базирования подготовить всё к нашему завтрашнему прилёту, а остальных посадил изучать материальную часть.

К вечеру Гуладзе и Суворов вполне уверенно делали небольшие подлёты на выделенном нам клочке поля. Наде-

юсь, завтра они дров не наломают.

Подъём был ранний – в три тридцать. Быстро перекусили булочкой с маслом, запили кружкой какао и в четыре двадцать, стоило краешку солнца показаться над горизонтом, пошли на взлёт. Порядок вылета я довёл до всех ещё вчера вечером, так что каждый знал своё место.

Перелетели на новое место без происшествий, да и лететь тут пара минут, дольше на посадку заходили. Волновался, конечно, за только вчера севших в незнакомую машину пилотов, но, как оказалось, зря. Сели нормально.

На аэродроме нас уже ждал топливозаправщик, а чуть в стороне дымила полевая кухня, возле которой сустились несколько человек в белых фартуках. Видимо, волшебный пендель из штаба придал ускорение местному начальству в оказании нам содействия. Ну, теперь живём. Сразу отправил своего зама, старшего лейтенанта Шилова, обратно, ждать приезда оставшегося пополнения. Заодно и полуторку отправил за технарями.

Стоило лишь самолёту Шилова скрыться за леском, как с неба послышался стрёкот, и на поле сел У-2. Похоже, доставили сюрприз, о котором я вчера договорился с Жигаревым. И точно. На землю выгрузили два здоровенных деревянных ящика и четыре охотничьих ружья. Пришлось долго объяснять командующему, для чего мне понадобились ружья и фарфоровые тарелки.

Кстати, стендовая стрельба в это время вполне себе известна и даже является олимпийским видом спорта. Жигареву и самому стало интересно, что выйдет из моей затеи, и он пообещал раздобыть и специальные тарелочки из смеси битумного песка и цемента, и даже машину для их запуска. Вроде были в СССР энтузиасты, занимающиеся этим видом спорта. А пока в качестве замены у кого-то подчистили запасы посуды.

– Ну что, товарищи красновоенлёты, постреляем по посуде?

Я откровенно потешался, глядя на слегка обалдевшие лица лётчиков. Они ожидали чего угодно, но точно не набор тарелок.

– Разбившему девять из десяти тарелок будет суперприз.

Я жестом фокусника вытащил из одного из ящиков бутылку коньяка. Это вызвало заметное оживление и довольные ухмылки. Это они ещё не знали, что стрелять придётся по летающим тарелочкам.

Выбрав из техников здорового парня, больше похожего на тяжелоатлета, объяснил ему, как нужно бросать тарелки. Отошли в сторону, где быстро соорудили из толстых досок щит, из-за которого наша живая машина для запуска будет метать тарелки. Когда всё было готово, встал в стойку метрах в двадцати от щита, зарядил оба ствола ружья патронами с дробью и громко крикнул:

– Дай! Дай!

Две тарелочки вылетели из-за щита одна за другой по разным траекториям. Два выстрела, слившиеся в один, и тарелки брызнули мелкими осколками. Быстро перезаряжаюсь, и снова звучит команда. Пять серий по две тарелки – и счёт в десять разбитых целей. Решил выпендриться и достал тэт-эшник. Из восьми разбил пять, что совсем неплохо для короткоствола. Кстати, тарелки в это время делают просто бетонные. Во всяком случае, те, что упали на землю, не разбились. То ли земля мягкая, то ли трава смягчает падение, то ли действительно тарелки очень прочные.

К тому времени, как расколошматили первый ящик с посудой, больше всего очков набрал... наш особист – семь из десяти. Всё же сотрудников в ведомстве Лаврентия Павловича готовят очень хорошо. Зато нашего дискобола ушатали так, словно он в одиночку вагон угля разгрузил. Пришлось освободить его от всех работ и дать отдохнуть. Что-то подсказывает мне, что стрельба по тарелочкам станет любимым занятием в эскадрилье. Заодно и тренировка меткости стрельбы по движущимся мишеням.

Перед самым обедом над аэродромом пронеслись шесть «яков» – прибыло пополнение. Теперь будем учиться.

Пополнение, к чему я уже начинаю привыкать, от души поглазело на фюзеляж моего истребителя и, выстроившись в шеренгу, по очереди представилось, разглядывая мои награды.

Старший лейтенант Юсупов Семён Филиппович. Летал

на И-15, И-153, И-16, Як-1. Два сбитых: Ю-88 и «Хенкель-111».

Лейтенант Кравченко Пётр Константинович. Летал на И-16, Як-1. Два сбитых Ме-109.

Младший лейтенант Сударь Антон Сергеевич. Летал на И-16, Як-1. Три сбитых: Ме-109, Ю-87 и ФВ-189.

Младший лейтенант Горбань Александр Иванович. Летал на И-153, Як-1. Один сбитый Ме-109.

Младший лейтенант Мигель Санчес. Испанец. Из числа детей испанских коммунистов, вывезенных в СССР на учёбу в 1936 году. Окончил лётную школу. Летал на И-16, Як-1. На счету один сбитый Ю-88.

А после обеда начались наконец-то полёты. Надо было посмотреть в воздухе, кто чего стоит. Вылетал со всеми по очереди. Задача была удержаться у меня на хвосте.

М-да... Пока выполнял виражи на горизонтали, дело шло в целом неплохо, никто не потерялся. Но стоило уйти на вертикаль, как ведомые отрывались. Лучше всего вертикаль держали Смолин, Гоч, Юсупов и Санчес, но и они не успевали за мной. Попробовал подсказывать по радио, и пошло получше, хотя и не так, как хотелось бы. Гуладзе и Суворов, что удивило, вполне уверенно держались на горизонталях, хотя с ними я особо и не виражил.

После полётов расположились рядом со стоянкой и начали разбирать ошибки.

– Забудьте, как страшный сон, все инструкции и настав-

ления. На войне есть одно-единственное наставление – это бить врага и при этом самому уцелеть. Наша задача сделать так, чтобы асы люфтваффе умирали за свой рейх. А нам с вами ещё детишек после войны на экскурсиях по воздуху катать. – Последняя фраза вызвала улыбки на нахмуренных лицах. – Если кто ещё не понял, то разъясняю первый и последний раз: мы не просто истребительная эскадрилья, а эскадрилья специального назначения. Нашей задачей будет свободная охота, завоевание господства в воздухе на отдельном участке и выполнение специальных заданий командования.

Добро на формирование нашей эскадрильи дал сам товарищ Сталин, так что вы должны понимать, какая ответственность лежит на всех нас и какая честь нам оказана. Драться будем не просто много, а очень много. И нашу Победу мы должны встретить в том же составе, в котором сидим здесь сейчас. А значит, будем учиться, учиться и ещё раз учиться – жёстко и со всем пролетарским упорством. Времени осталось мало, а сделать предстоит очень и очень много.

И началась учёба. Разбил всех по парам и звеньям. Себе ведомым взял Санчеса. У парня обнаружилась уникальная способность замечать другие самолёты задолго до того, как их увидят остальные. Не зрение, а прям радар в голове. К тому же ещё и снайпер вроде меня. Этот испанец с максимальной дистанции из бортового оружия разносил в щепки установленный на земле деревянный щит. Хотя в стрельбе

по тарелочкам коньяк он так и не выиграл.

В редкие минуты отдыха это увлечение захватило всех. Тарелки быстро кончились, и пришлось технарям выстрелять что-то похожее из дерева. Конечно, эффект был не тот, но это никого не смущало. Только патроны с дробью к охотничьим ружьям пришлось просить ещё трижды.

А в перерывах между полётами, пока самолёты обслуживали, я диктовал порядок выполнения фигур высшего пилотажа, одновременно демонстрируя саму фигуру при помощи деревянной модели самолёта. Затем все садились в свои машины и на земле с записями, лежащими на коленях, до автоматизма заучивали все движения. Кроме того, тренировались ещё и пешими по лётному с деревянными модельками в руках, отрабатывая на земле то, что потом выполняли в небе.

Через пять дней я решил ещё более усложнить процесс обучения. Где-то в своё время читал, что при подготовке легендарной панцирной пехоты, штурмовых инженерно-сапёрных бригад²¹, прообраза современного мне спецназа, использовали боевые патроны. Вот и я решил действовать так же.

Договорился в Раменском и перелетел с ведомым к ним.

²¹ *Штурмовая инженерно-сапёрная бригада* – формирование (соединение) инженерных войск Резерва Верховного главнокомандования в Красной армии ВС СССР, существовавшее во время Великой Отечественной войны. Бригада была предназначена для штурма приспособленных к обороне населённых пунктов и прорыва сильно укреплённых рубежей обороны противника. Создавались путём переформирования инженерно-сапёрных бригад. Сокращённое действительное наименование – ШИСБр. Иногда встречается название «панцирная пехота».

Когда я объяснял Санчесу свою задумку, то он смотрел на меня как на сумасшедшего.

— Командир, а вдруг...

Он не договорил.

— А вот для того, чтобы никакого «вдруг» не было, твоя задача, друг мой Мигель, состоит лишь в том, чтобы держаться у меня на хвосте, а всё остальное я сделаю сам. А то получится, что хотели как лучше, а получилось как всегда. — Я с улыбкой смотрел на лицо испанца. Он хоть и знал русский язык в совершенстве, на уровне родного, но идиома политика из будущего явно поставила его в тупик. — В общем, твоё дело — следить за задней полусферой, прикрывать меня и повторять за мной все манёвры. Сам не атакуй.

Получив по радио сигнал о том, что пара в составе старшего лейтенанта Юсупова и его ведомого, младшего лейтенанта Горбаня, взлетела для отработки пилотажа, мы тоже пошли на взлёт. Сохраняя полное радиомолчание, на бреющем вдоль просеки мы незамеченными подкрались к своему аэродрому. Пара «яков» кружила выше нас, не замечая ничего вокруг себя.

Беспечных раздолбаев надо наказывать. Резко набираем высоту и заходим в хвост паре. Никакой реакции. И только когда очередь из трассирующих пуль прошла впритирку к кабине ведущего, с земли и ведомый завопили об атаке. Даю точно такую же очередь над ведомым и, проследив взглядом, как они свалились в пике, выходя из-под атаки, вышел на

связь.

– Юсупов, Горбань, на посадку. Вы оба сбиты. Готовьте большую клизму с патефонными иглками.

С ведомым прошлись над взлётной полосой и синхронно сделали победную бочку над стоянкой самолётов.

На земле устроил разнос.

– Вы, ёрш вашу медь, на войне или где?! – орал я на стоящих передо мной с опущенными головами Юсупова и Горбаня. – Какого, хотелось бы мне знать, не следите за обстановкой?! Расслабились?! Думаете, что вы в тылу и до фронта далеко?! Так я имею вам сообщить, что вы глубоко ошибаетесь! Фронт везде! От окопов на передовой и до самой крайней скалы на Камчатке!

– Мы не ожидали, что вы, товарищ капитан, начнёте боевыми по нам стрелять, – буркнул себе под нос Горбань.

– Ах, вы не ожидали! – картинно развёл я руками. – Надо было вас заранее в известность поставить? Немцев вы тоже будете просить ставить вас в известность об атаках?

И запомните: если бы я или кто-то другой стрелял по *вам*, то вы давно бы уже в бурьяне догорали.

Ладно, на первый раз никаких оргвыводов не будет, но всем настоятельно рекомендую хорошенько запомнить одно правило: на войне фронт везде. Так что всегда и везде крутите головами на триста шестьдесят градусов. И теперь все вылеты будут с боевыми стрельбами. Будем учиться драться пара на пару, звено на звено, пара на звено и так далее, вплоть

до боя в одиночку против нескольких противников. Очередь вплотную над кабиной означает сбитие, так что смотрите, не промахнитесь. А теперь всем разойтись и продолжить выполнение учебного задания.

– А не слишком круто? – спросил наш особист, младший лейтенант госбезопасности Данилин. – Дров ведь наломают и постреляют друг друга, а отвечать тебе. По всей строгости.

– Отвечу, если надо будет. Дальше фронта не пошлют, больше вышки не дадут. Но, надеюсь, до этого не дойдёт, – как можно увереннее ответил я, хотя где-то глубоко в душе червячок сомнения слегка шевелился. – Ты пойми, Олег, мы их здесь не для балета и не для танцев на льду готовим. Мы здесь готовим настоящих воздушных убийц. И не морщись, – резко повернулся я лицом к особисту. – Нравится тебе формулировка или нет, но суть от этого не меняется.

Чуть больше чем через неделю им предстоит показать всё, на что они способны, а экзамен этот у них будут принимать асы Геринга. И задача наших орлов – вогнуть в землю как можно больше этих самых хваленых асов и при этом уцелеть самим. Сделать так, чтобы от одного упоминания о тринадцатой эскадрилье немчуру пробирало до мокрых подштанников, до поноса. Чтобы они боялись не то что взлетать, а просто нос свой наружу показывать из самой глубокой щели. И без жёстких вариантов подготовки здесь не обойтись.

Кстати, завтра я выезжаю в Москву. Надо договориться о замене двигателей на самолётах перед отправкой на фронт и

узнать, как там насчёт транспортника, что нам обещали.

Так что ты тут за порядком проследи. И если тебе надо что привезти, то список составь.

За этот день прогнал все пары через то, что в шутку называли огненным посвящением. Ох и покрутиться пришлось, чтобы по мне не влупили. Мастерство у парней росло прямо не по дням, а по часам, что и неудивительно, если учесть, что полёты у нас практически не прекращались. Заправщик не успевал метаться между нашим расположением и Раменским. Оттуда даже начальник службы горючего приезжал с проверкой, куда мы расходует такое количество топлива.

Несколько истребителей всё же обзавелись пробоинами в фюзеляже и плоскостях, но, к счастью, серьёзных повреждений не было и никто не пострадал, хотя у меня седых волос точно добавилось. Кстати, подкрасться незаметно больше не получалось. За обстановкой следили получше любого радара.

Для поездки в Москву выпросил в Раменском «эмку»²² с водителем. Выехали рано, ещё затемно. Доехали без приключений, хотя несколько раз и останавливал патруль.

В штабе ВВС оставил заявку на новые двигатели, запчасты и боеприпасы. По поводу транспортного самолёта решил зайти к главкому Жигареву. Время-то идёт, и осталось его считанные дни, а транспортного борта у нас всё так и нет.

²² «Эмка» – ГАЗ М-1. Советский легковой автомобиль, серийно производившийся на Горьковском автомобильном заводе с 1936-го по 1942 год.

– Ну заходи, анархист. – Было видно, что настроение у главкома явно не фестивальное. – Давай рассказывай: что ты там учудил?

– Да вроде ничего, – пожал я плечами. – Подготовка идёт своим чередом. К указанному товарищем Сталиным сроку будем готовы.

– Ничего?! – повысил голос Жигарев. – А призыв забыть все инструкции и наставления как страшный сон, а стрельба боевыми по своим – это, капитан, по-твоему, ничего?! – уже натурально орал главком. – Мы собрали в эскадрилью опытных пилотов не для того, чтобы ты их здесь угробил!

– Так ведь не угробил же! – начал заводиться я. Интересно, кто уже успел настучать на меня? – У нас не институт благородных девиц, а эскадрилья специального назначения, и они не кисейные барышни, а боевые лётчики, которые должны стать лучшими из лучших. И они такими станут или сгорят в первых же боях. Вот для того, чтобы этого не произошло, мы и используем в учёбе боевые патроны. – Я не заметил, как сам начал повышать голос. – А наставления и инструкции хороши для мирного времени, а на войне есть лишь одно наставление – уничтожать врага, и желательно при этом самому остаться в живых.

– Ладно, остынь. – Жигарев уже почти успокоился. – А то аж раскраснелся весь, хоть прикуривай. Как хоть они?

– Нормально, товарищ генерал-лейтенант, толк будет.

– Нормально ему. – Жигарев прошёлся туда-сюда по ка-

бинету. – Вот скажи мне: откуда у тебя такие идеи появляются? Ведь у тебя же нет никакого специального образования.

Сказал бы я, какое у меня образование, да не поверишь. Однако произнёс другое:

– Не знаю, товарищ генерал-лейтенант. Само как-то в голову приходит. Потом обдумываю это как следует, взвешиваю все за и против и уже после это озвучиваю.

– Уже то хорошо, что обдумываешь вначале, – усмехнулся Жигарев. – Через пару дней буду у вас. Посмотрю, что вы там накуролесили. Сегодня получи документы, и на Центральном²³ тебя ждёт транспортник. Да не какой-то там, а «дуглас»²⁴, почти новенький. Смотри, буквально от сердца отрываю. А теперь иди с глаз моих, капитан. Одна морoka с тобой.

Уладив все бумажные дела в штабе, уже собрался на выход, когда в коридоре столкнулся с Гайдаром. Аркадий сиял

²³ Имеется в виду Центральный аэродром имени М. В. Фрунзе. Располагался на Ходынском поле, откуда получил своё разговорное название – Ходынка. Закрыт в 2003 году. Использовался как испытательный аэродром экспериментальной авиации и военный аэродром. Здесь располагался первый московский аэропорт.

²⁴ «Дуглас» (Douglas DC-3) – американский ближнемагистральный транспортный самолёт с двумя поршневыми двигателями. Разработан предприятием Douglas Aircraft Company. Один из самых массовых самолётов в истории мировой авиации: серийный выпуск, с учётом всех модификаций и лицензионного производства вне США, составил 16 079 машин. В 1937–1938 годах СССР закупил 18 самолётов DC-3. В Советском Союзе выпускались по лицензии под маркой ПС-84 (пассажирский самолёт завода № 84). Более известен как Ли-2.

как начищенный пятак на солнце. Новенькая форма ладно сидела на нём, на рукаве алела красная пятиконечная звезда с серпом и молотом, а в петлицах – по три кубика политрука.

Увидев меня, Гайдар на мгновение замер, а потом неожиданно для меня сделал несколько строевых шагов, приближаясь ко мне и, вскинув ладонь к козырьку фуражки, отпартовал:

– Товарищ капитан, политрук Гайдар. Представляюсь по случаю назначения на должность комиссара в тринадцатую отдельную истребительную эскадрилью.

– Здравствуйте, товарищ политрук, – мне не оставалось ничего, кроме как откозырять в ответ, – рад, что будем служить вместе. – Я протянул Гайдару руку: – Здорово, Аркадий!

Если бы не Аркадий, то я даже не представляю, где бы закупал всю ту мелочовку, что мне заказали. В основном одеколон, бритвы, пуговицы и редкий в это время крем для обуви – для форса: это же вам не вакса. С Гайдаром мы быстро проехали в несколько мест, где всё это нашлось, правда, за довольно кусачую цену.

На аэродром приехали уже хорошо так после обеда. Найдя местное командование, предъявил им свои документы.

– Вон ваши сидят, – кивнул усталый майор в сторону курилки, в которой сидели двое в лётной форме. – Из штаба ВВС давно уже позвонили, и ждём только вас, капитан.

Подошли с Аркадием к курилке. Сидевшие там капитан

лет сорока и совсем молодой лейтенант тут же встали. Я только махнул рукой, показывая, что без официоза, и сел на скамейку. Познакомились.

Командир воздушного судна капитан Ермолаев Семён Фёдорович. Призван из ГВФ²⁵. До войны возил почту и пассажиров.

Второй пилот лейтенант Бугаев Леонид Львович. Перед самой войной летал вторым пилотом на транспортном ТБ-3. Две недели назад, после того как их «туберкулёз» разбомбили на прифронтовом аэродроме, получил назначение на «дуглас». С одной стороны, рад летать на таком самолёте, а с другой – рвётся на фронт. Завалил всех своими рапортами.

– Навоюешься ещё, лейтенант, – чуть заметно усмехнулся я. – Войны на всех хватит. Что скажете о машине, Семён Фёдорович?

– Самолёт до недавнего времени находился на авиазаводе в Казани. Летал мало, так что сам как новенький. Естественно, прошёл полную ревизию всех узлов. Неделю назад поступил приказ перегнать его сюда, на Центральный аэродром. Уже здесь сняли пассажирские кресла, убрали туалет с умывальником и установили скамейки вдоль бортов, после чего приказали быть готовым в любой момент вылететь и сидеть ждать. Вот сидим и ждём, – усмехнулся Ермолаев.

– Считайте, что дождались. Готовьте самолёт к вылету. Идём на Раменское. Эскадрилья находится на соседнем осо-

²⁵ ГВФ – гражданский воздушный флот.

авиахимовском аэродроме, но места там будет для вас маловато, так что придётся вам какое-то время базироваться отдельно от нас. Пойду договарюсь о вылете и свяжусь с Раменским. Пусть встречают.

Вылетели минут через сорок. Вначале взяли курс на северо-восток, почти до Мытищ, потом повернули на девяносто градусов и шли до Балашихи и уже оттуда взяли курс на Раменское. ДС-3, конечно, не «Боинг-747» и не «арбуз»²⁶, но лететь на нём, даже в качестве пассажира, всё же довольно, я бы даже сказал, комфортно. Это как проехаться на раритетной машине. На ней нет ни ГУРа, ни ЭУРа, ни роботизированной коробки, да и сиденья явно не анатомические с подогревом и кучей регулировок, но вы всё равно ощущаете восторг.

В Раменском сели без проблем. Пока договорились о временном базировании здесь нашего транспортника, поставили пилотов на довольствие, утрясли ещё несколько мелких вопросов, начало уже смеркаться. Выпросив полуторку, под бурчание зампотылу о том, что я ещё ту машину не вернул («эмка» ещё не успела вернуться из Москвы), поехали к себе.

О том, что что-то случилось, я понял сразу, лишь увидев

²⁶ «Арбуз» – жаргонное название самолёта Airbus A380. Крупнейший серийный широкофюзеляжный двухпалубный четырёх-двигательный турбореактивный пассажирский авиалайнер в мире. Вместимость – 525 пассажиров в салоне трёх классов и 853 пассажира в одноклассной конфигурации. Дальность беспосадочного перелёта до 15 400 км.

лицо встречающего нас Кузьмича. Не успел я рта раскрыть, чтобы задать вопрос, как из сгустившегося сумрака вышел наш особист.

– Товарищ капитан, у нас ЧП, – начал он без предисловий. – Трое лётчиков – младшие лейтенанты Горбань, Филонов и Суворов – через водителя топливозаправщика раздобыли самогон и напились до непотребного состояния. Они были взяты мной под арест. Предлагаю завтра же отправить рапорт об их проступке в штаб ВВС.

– Где они? – сквозь зубы выдавил я.

Вот ну не гады они? Я же им доверял, а они так меня подставили перед самой отправкой на фронт.

Святая троица вусмерть пьяных гавриков с блаженными улыбками мервецки спала прямо на земле в отдельно стоящем сарае. Было страстное желание отмудохать их как следует, да что толку-то. Один хрен, пока не протрезвеют, ничего не почувствуют и не поймут педагогической составляющей. Ладно, утро вечера мудренее. Но это залёт, а как поступать с залётчиками, я по своей прошлой службе прекрасно знал.

– Так, Кузьмич, – повернулся я к старшине. – Утром обеспечить три хорошие лопаты. А ты, Олег, свяжись со своим коллегой в Раменском, и отправляйте этого водилу, этого бутлегера²⁷ недоделанного, на фронт. Пусть там освежится, раз

²⁷ *Бутлегер* (англ. Bootlegger, сленг – подпольный торговец, контрабандист) – подпольный торговец спиртным во время сухого закона в США в 1920—1930-

здесь, в тылу, ему острых ощущений мало.

Кого-то утро встречает прохладой, а весь личный состав оно встретило стоящим в строю напротив высокой дощатой стены ангара. У подножия этой самой стены три опухших с похмелья личности без ремней и сапог копали глубокую яму прямоугольной формы, больше всего напоминавшую могилу. И всё это в полном молчании.

Конечно, все оху... удивились, когда я приказал раздать залётчикам лопаты, а им – копать яму. И всё это под прицелом ППД в руках особиста. Кстати, и сам особист был в шоке.

Наконец я посчитал, что глубины ямы (а выкопали уже больше двух метров) вполне достаточно, и приказал лётчикам-залётчикам вылезать наверх и встать рядом с ямой.

– Вчера трое наших (можно было бы назвать их товарищами, но почему-то не хочется) раздобыли самогон и устроили пьянку. Тем самым они нарушили приказ, запрещающий употребление спиртных напитков, сорвали учебный процесс, подвели всех нас и подставили водителя топливозаправщика, который и привёз по их заказу самогон и которому теперь вместо службы в тылу предстоит с винтовкой в руках на передовой останавливать немецкие танки.

Я обещал, что нарушители дисциплины будут отчислены из эскадрильи и отправлены в тыл возить почту. Однако,

учитывая то, что эти три субъекта плевать хотели на своих товарищей, учитывая то, что они уже прошли достаточно хорошую лётную подготовку и изучили новые тактические приёмы воздушного боя, веры им нет. Поэтому, чтобы избежать попадания таких ценных источников информации в руки противника, я считаю, что их нужно расстрелять.

Я сделал паузу и посмотрел на стоящих в строю и на стоящих у выкопанной своими руками могилы. Прямо картина маслом. Всеобщее обалдение на лицах. У залётчиков, по моему, остатки хмеля моментально выветрились из организма. Им и так изрядно попотеть пришлось, пока копали, а тут такое вот «здрасти».

Я подошёл к особисту и молча взял из его рук автомат. Классная, скажу я вам, машинка. Пострелял я из него здесь несколько раз. Хотя, конечно, правильнее называть его пистолетом-пулемётом, но все называют автоматом.

Передёрнув затвор, я дал очередь прямо впритирку над головами нарушителей сухого закона – так, чтобы ветерок от пролетающих пуль пошевелил шевелюру. Надо отдать должное расстреливаемым: ни один из них не рухнул от страха.

– Прицел неверный взял, – громко сказал я, поворачиваясь к строю и всё ещё держа в руках «дегтярь». – Так что будем с этим делать? Может, стоит поправку при стрельбе взять?

– Товарищ капитан! – громко произнёс старлей Шилов, по совместительству мой заместитель. – Я предлагаю отдать

их нам на поруки.

— На поруки? — изобразил я удивление в голосе. — Так ведь им наплевать на вас, своих боевых товарищей, на меня как на командира. Я просто боюсь дальше перечислять, на кого и на что им ещё наплевать. Думаете, вы сможете их перевоспитать?

— Мы проведём с ними разъяснительно-воспитательную беседу, товарищ капитан, и приложим все силы, чтобы подобное больше не повторилось.

— Ну что же... — Я сделал вид, что задумался. На самом деле всё шло именно по моему сценарию, хотя кульминация ещё не наступила. — В первый и последний раз я вам поверю. Воспитывайте, вправляйте мозги, только без членовредительства.

Казалось, земля колыхнулась от всеобщего вздоха облегчения. Тут могли чего угодно ожидать от командира беспредельщика, который во время обучения в учебном воздушном бою лупит по своим же боевыми патронами.

Я отдал автомат стоявшему с каменным лицом особисту и повернулся к залётчикам.

— Так как ваши товарищи упростили вас не расстреливать, а могила уже выкопана, то в ней следует кого-то похоронить, чтобы не было так, что зря копали. Поэтому вы трое будете хоронить пустую бутылку из-под самогона. Торжественно. Кроме того, вы лишаетесь права на употребление всего, что крепче чая, до тех пор, пока каждый из вас не завалит деся-

ток гансов! К церемонии приступить!

Тут же амнистированным были вручены небольшие дощечки, гвозди и молоток (заранее Кузьмича попросил приготовить; он единственный знал, что я задумал, и полностью поддержал такой способ воспитания). Из всего этого они побыстрому склотили маленький гробик, в который торжественно уложили пустую бутылку. Затем гроб с бутылкой был на верёвках аккуратно опущен на дно могилы. Могилу закопали, насыпав сверху ровненький холмик, и трое собутыльников дали трёхкратный салют, вскидывая к небу черенки от лопат и громко крича «Тыдыщ-щ-ь!».

Чуть позже ко мне подошли особист и комиссар.

– Ну ты, командир, и ненормальный. – Данилин закурил папиросу. – Я же был уверен, что ты их действительно расстреляешь.

– А вообще, перед приведением приговора в исполнение следует говорить «именем Союза Советских Социалистических Республик», – задумчиво глядя куда-то в сторону, произнёс Гайдар.

– Тогда мне пришлось бы реально их расстрелять. – Я пристально посмотрел на своих собеседников. – Таким словами впустую не разбрасываются.

Глава 5

Боевое крещение

Далеко справа под крылом, простираясь до самого горизонта, в лёгкой утренней дымке просыпалась Москва. Ей ещё далеко было до того неимоверно разросшегося, пожравшего свои окраины и пригороды, переполненного людьми и автомобилями, круглосуточно снующими по улицам и проспектам, мегаполиса, каким она стала в конце двадцатого – начале двадцать первого века. Лучше ли она от этого стала? Не уверен. Поддавшись моде на всё иноземное, она утратила свою русскую самобытность, свою патриархальность. Кому-то весь этот хай-тек нравится, но мне он как-то не по душе.

Перевожу взгляд влево – на летящие уступом вверх самолёты эскадрильи. Эшелонирование по высоте – наше всё. Знаменитая «кубанская этажерка», придуманная позднее Покрышкиным, а сейчас нагло приватизированная одним попаданцем, здесь получила название «московская этажерка». Молодцы парни, освоили и строй держат ровно.

Чуть ниже впереди идёт наша «дуся», как любовно прозвали транспортный DC-3. На её экипаже, помимо доставки нашей технической части, ещё и штурманская проводка. Тринадцатая отдельная истребительная эскадрилья летит на

фронт.

– Командир, справа ниже сзади на пять часов, – раздался в шлемофоне спокойный голос ведомого. Посмотрев в указанном направлении, заметил тройку МиГ-3, идущих нам на перехват. Московская ПВО не дремлет. Всё правильно. Хотя их и предупредили о нас, но надо удостовериться своими глазами. Тем более что на столицу уже было несколько довольно серьёзных авианалётов.

Быстро догнав нас, что было нетрудно, так как мы шли со скоростью триста двадцать километров в час, равняясь на транспортник, «миги» поравнялись. Фонари кабин открыты, и видно, как ведущий показывает большой палец. Машу рукой в ответ и пэвэошники отваливают к себе. Эти всё ещё летают по старинке – по трое. Ничего, война быстро научит, и перейдут на пары, как мы.

Жигарев прилетел к нам с проверкой, как и обещал. Самолёт «Сталь-2»²⁸, на котором он летел в качестве пассажира, был перехвачен находящимся в тот момент в воздухе звеном старшего лейтенанта Юсупова ещё на дальней дистанции и сопровождён до посадки на наш аэродром. Командующему понравились слаженные действия звена в воздухе. Ну а потом началась обычная для любой армии показуха, когда

²⁸ «Сталь-2» – советский ближнемагистральный пассажирский самолёт с одним поршневым двигателем воздушного охлаждения разработки КБ инженера Путилова (НИИ ГВФ). Экипаж – один человек, пассажиров – четыре человека. Производился в 1933–1935 годах. Всего было выпущено 111 штук.

прибывает с проверкой высокое начальство. Показали воздушный бой, правда, без ставшей уже привычной стрельбы, высший парный пилотаж. В целом Жигарев остался доволен и улетел от нас в хорошем настроении.

На следующий день доставили новенькие двигатели для самолётов. Новенькие во всех отношениях. Улучшенная модификация двигателя М-105П под обозначением М-105ПА с усиленными картером и шатунами, беспоплавковым карбюратором, обеспечивающим перевернутый полет в течение пяти минут и ввод в пикирование с отрицательной перегрузкой. Самое то для нас. Увеличился не только срок службы двигателя, но и максимальная скорость у земли. Из Раменского в помощь нашим технарям перебросили своих механиков, и за сутки они поменяли движки на всех истребителях эскадрильи.

А вчера прилетевший на У-2 курьер вручил мне стопку карт и запечатанный пакет, в котором был приказ вылететь в составе эскадрильи на Западный фронт, на аэродром в Холм-Жирковский, где базировались части ВВС 30-й армии. Задачей была нейтрализация действий авиации противника и завоевание господства в воздухе. Вот так, ни много ни мало.

Хорошо хоть нас никому не подчинили, и мы оставались в непосредственном подчинении командующего ВВС РККА. На приказе была резолюция Жигарева – «действовать самостоятельно по своему усмотрению в соответствии с обста-

новкой». Это то, что называется «идти ва-банк». Главком решил рискнуть и поставить на нашу эскадрилью.

Ближе к линии фронта прибавили скорость и пошли змейкой, сохраняя прежнюю курсовую скорость. Заодно получились ножницы, когда звенья пересекались друг с другом курсом.

– Командир, над Холмом дым, и самолёты кружат. – Санчес, наш штатный ДРЛО²⁹, опять оказался на высоте. – Похоже, их бомбят.

– «Дуся», в круг. Второе звено прикрывает, – отдал я команду. – Первое и третье звено, пойдём посмотрим, кто там безобразничает. Вторая первой наверх.

Транспортник пошёл в пологий вираж. Выше и ниже его тут же пристроилось по паре истребителей прикрытия. От первого звена отделилась вторая пара и полезла на высоту, будут нас прикрывать от удара сверху. Похоже, сейчас у нас будет экзамен на профпригодность.

Над аэродромом Холм-Жирковский вполне вольготно безобразничал целый штаффель из десятка Ю-87 и восьми Ме-109. Нас заметили, и «мессеры» пошли нам на перехват. Их пара также полезла наверх, но было поздно: наверху их уже ждали.

– Князь, твои «лаптёжники». Шило, займёмся мелкими. Работаем! – коротко бросил я в ларингофон и повернул на встречный курс с немцами.

²⁹ ДРЛО – дальнее радиолокационное обнаружение.

С позывными вышло довольно смешно. Я всё ждал, когда каждый сам себе выберет позывной, но время шло, а все по-малкивали. Да и не принято это сейчас. Тогда я сам посидел в свободную минуту, почеркал в блокноте и на построении присвоил каждому второе имя.

Так, старший лейтенант Шилов, командир первого звена и ведущий первой пары, стал Шилом – по фамилии. Его ведомому даже не стал ничего придумывать, и он остался Сударем. Ведущий второй пары лейтенант Мищенко за свой непоседливый характер стал Вьюном, а его ведомый, младший лейтенант Филонов, стал Котом, потому что всегда всем доволен и постоянно щурится от удовольствия.

Командир второго звена старший лейтенант Гуладзе получил позывной Дункан, с ударением на «у». Пришлось рассказать, что в Шотландии есть легенда о храбрых воителях-горцах, и самым храбрым из них был Дункан Маклауд из клана Маклаудов. Зураб потом ходил весь такой гордый и довольный, что его сравнили с самым храбрым из храбрецов. Его ведомый, младший лейтенант Шишов, стал Потапычем. Тут я просто процитировал стихотворение про мишку косолапого, который ходит по лесу и шишки собирает. Но Мишкой называть неинтересно, потому как «Потапыч» звучит солиднее.

Лейтенант Кравченко, ведущий второй пары, получил позывной Фил за свою привычку засыпать при любом удобном случае, как тот сурок. Про День сурка тоже рассказал, ти-

па где-то об этом читал как о курьёзе. Ведомый Кравченко, младший лейтенант Суворов стал Корнетом, потому что до фельдмаршала ему ещё очень далеко.

В третьем звене командир, старший лейтенант Юсупов, стал Князем. Ну, тут всё просто: фамилия такая. Кстати, услышав такое моё обоснование, наш особист как-то весь напрыгся. Теперь будет при случае искать дворянские корни у сына простого крестьянина. Ведомый Юсупова, младший лейтенант Горбань, естественно, получил позывной Горбатый. Все, как и сам, так сказать, виновник, восприняли это как производное от фамилии и очень удивлялись тому, как я при этом едва не ржал. Уж очень мне хотелось голосом с хрипотцой крикнуть: «А теперь Горбатый! Я сказал: Горбатый!»

Ведущий второй пары третьего звена лейтенант Гоч стал Учителем. Тут ему припомнилась работа инструктором в Осоавиахиме. А его ведомому, лейтенанту Смолину, достался позывной Пихта. Тут просто сработала аналогия: Смолин – смола – пихтовая смола – пихта. Мой ведомый, младший лейтенант Санчес, стал Кортесом, а меня все не сговариваясь окрестили Тринадцатым – по моему любимому числу.

– Кортес, твой правый. Работаем!

Сам издали бью ведущий «мессер». Из-под капота фрица вырывается пламя, и он резко уходит вниз. Санчес промазал.

– Не целься, стреляй по интуиции, – подсказываю ведомому.

Блин, что-то мне это напоминает. О, вспомнил. Когда-то в своей курсантской юности в увольнении пошли в видеосалон, которые были едва не в каждой подворотне, и там смотрели бешено популярные в то время «Звёздные войны». Ага, точно – «Люк, доверься Силе!». А потом бац – и Звезда Смерти в клочки.

С немцами разминулись на встречных курсах. Кручу головой, и увиденное мне нравится. Сверху, распуская хвосты жирного чёрного дыма, валяются два «мессера», ещё двоих срезали Шило и Сударь. Итого минус пять. Оставшиеся три «месса» поняли, что им тут явно не рады, и решили свалить от греха подальше, в своей излюбленной манере уйдя в пике, набирая скорость.

И тут Санчес удивляет меня. Короткая очередь – и один из фрицев, не выходя из пике, врзается в землю.

– С почином, Кортес, – поздравляю ведомого, расстреливая ещё один «мессер».

Третий заметался среди трассеров, которыми его буквально опутали Шило с Сударем. Видимо, бог войны сегодня решил смиростивиться над потомком тевтонов. Сделав какой-то немислимый кульбит, немцу удалось уйти из-под обстрела и оторваться от преследователей. Видно было, как за ним потянулась белесая полоса. Форсаж врубил и (было такое ощущение) руками начал махать, чтобы скорости прибавить.

Звено старшего лейтенанта Юсупова в это время устрои-

ло форменное избиение пикировщиков. Из десятка «юнкеров» в небе осталось пять, и они, сбившись в плотный строй, отчаянно огрызались из пулемётов стрелков. Однако близко к ним никто не лез. Вот один из «яков», по-моему, истребитель Пихты, метров с двухсот ударил из всех стволов по крайнему Ю-87.

Было такое ощущение, как будто стая волков кружит вокруг отары овец и время от времени задирает по одной овце с края. Вот ещё один краснозвёздный истребитель с красными оконечностями крыльев «откусил» от группы очередной «юнкерс». И всё это с большой дистанции. Оставшиеся три «лаптёжника» бросились врассыпную, и двоим удалось уйти. Третий же разделил судьбу своих братьев-неудачников.

Итогом нескольких минут боя стало уничтожение пятнадцати из восемнадцати самолётов противника. По-моему, даже мои орлы обалдели от такого результата. Понятно, что немцев застали, можно сказать, со спущенными штанами, но всё же. Ох, не подцепили бы сталинские соколы звёздную болезнь. Такими результатами за один бой не каждый полк может похвастаться.

В душе я ликовал. Дебют эскадрильи прошёл успешно. Уже есть о чём докладывать Жигареву.

Сели нормально. На удивление, немцы бомбили стоянки самолётов, но не тронули ВПП. Хотя, скорее всего, для себя пытались сохранить. Первыми на посадку пошла пара Вьюна и Кота. Заодно удостоверились в пригодности полосы и

определились с местом стоянки. За ними пошёл транспортник, а следом попарно остальные. Я с Кортесом садился последним.

Зарулив к своим, выбрался из кабины и тут же попал в гомонящую и возбуждённую толпу лётчиков эскадрильи. Ну ещё бы. Все, кроме Кортеса, сбили по два самолёта противника и теперь, перебивая друг друга, делились впечатлениями от боя. Один Дункан в огорчении ругался сразу на двух языках, русском и грузинском, и сетовал на горькую судьбу в лице командира, не давшего ему поучаствовать в такой славной драке.

– Отставить восторги! – прерываю всеобщее веселье. – Становись!

Лётчики с сияющими лицами выстроились в образцово-показательный строй. Даже тот же Гуладзе искренне радовался за своих боевых товарищей. Стоящий рядом со мной перед строем Гайдар тоже сиял улыбкой, словно это он заваливал «мессеры» и «юнкеры».

– Хреново, товарищи красноенлёты! – начал я после небольшой паузы. – Очень хреново! Целых трое фрицев благополучно ушли. Хотя и с грязными штанами, но ушли. Шило и Сударь, объясните мне, за каким, я извиняюсь за мой французский, гхм... Ну ладно... Так за каким вы вдвоём долбили по этому несчастному «мессеру» и ни хрена не попали? Вы же мешали друг другу, сбивая прицел. Князь, на твоей совести два «лаптёжника». Так что клизма всем с па-

тефонными иголками.

На будущее: ни один из врагов не должен уйти из зоны нашей ответственности, за исключением случаев, когда это надо нам для распространения паники среди противника. Район, где действует тринадцатая эскадрилья, должен стать для немцев чёрной дырой, в которой бесследно исчезают их самолёты.

Сейчас все дружно садятся и пишут отчёт о бое со схематичными рисунками. И не надо мне здесь делать лица, – пресёк я недовольное бурчание. – Социалистическая экономика есть в первую очередь учёт. Так что все за работу, а я к местным.

Идти никуда не пришлось. Не успел я отойти от наших самолётов, вокруг которых уже копошились механики и оружейники, как навстречу подъехала выдававшая виды полуторка.

Из кабины выскочил лейтенант.

– Эй, боец, кто у вас старший? Его срочно вызывают к командиру.

М-да, давненько ко мне не обращались «эй, боец». Впрочем, ничего удивительного. Мы летали в комбинезонах поверх формы, и я попросту забыл его снять. Похоже, придётся. Что-то как-то неласково нас здесь встречают: во, вызывают, а должны, по идее, приглашать. Мы здесь никому не подчиняемся. Так что надо расставить все точки над «ё», но желательно без конфликта.

– Сейчас будет старший, – отвечаю лейтёхе и разворачи-

ваюсь к своему истребителю.

Через пару минут, одетый по всей форме, со всеми наградами на груди я предстал перед опешившим лейтенантом. До этого он с интересом разглядывал мой «як», особенно его фюзеляж с нарисованными звёздочками.

– Извините, товарищ капитан. – Лейтенант вытянулся в струну и вскинул ладонь к козырьку фуражки. – Лейтенант Дягилев, помощник начальника штаба сборной авиационной группы. Вас просили прибыть к командованию.

Во как, уже просили. Вот что субординация животворящая делает. Ну, раз просили, то прибудем.

В штабе первое, что попыталось сделать местное начальство в лице шустрого майора, это отжать у нас транспортник. «Для нужд ВВС тридцатой армии», как было заявлено мне в приказном тоне.

– Товарищ майор, могу я узнать вашу фамилию и кто вы по должности? – как можно более вежливо обратился я, хотя и очень сильно хотелось нахамить в ответ, причём желательно матом.

– Тебе какая разница, капитан? – взвизгнул майор. – Тебе старший по званию отдал приказ, так что изволь его исполнять. А теперь свободен. Распорядись, чтобы транспортник готовили к погрузке и вылету. Маршрут сообщу позднее.

– Транспортный «дуглас» приписан к тринадцатой отдельной истребительной эскадрилье, которой команду я, и никуда без моего приказа не полетит. Эскадрилья подчиня-

ется напрямую главному ВВС, и мне глубоко по барабану на ваши хотелки, товарищ майор, – всё так же спокойно произнёс я.

Однако мой спокойный и уверенный тон лишь ещё больше взбесил майора, лицо которого стало пунцовым.

– Что?! – заорал он. – Да я тебя под трибунал отдам! Эй, там, немедленно арестовать этого типа! – крикнул он куда-то за дверь.

Дверь отрылась, вот только вошёл в неё не конвой, а высокий седой полковник с медалью «XX лет РККА» и орденом Красного Знамени на груди.

– Что здесь происходит? – сильным голосом с металлическими нотками спросил он. – Юшко, что опять за шум от тебя?

– Да вот, товарищ полковник... – И куда только крутой начальник подевался? Майор заискивал перед старшим по званию, как лакей перед господином. – Отказывается выполнять приказ о передаче транспортного самолёта для нужд авиации армии. Я приказал поместить его под арест до выяснения личности. Есть подозрение, что это может быть вражеский шпион и саботажник.

– Представьтесь, капитан, – посмотрел мне в глаза полковник.

– Капитан Копьёв, – козырнул я. – Командир тринадцатой отдельной истребительной эскадрильи. Прибыл в составе эскадрильи для выполнения поставленных мне штабом ВВС

РККА задач. Имею сообщить, что транспортный самолёт является штатной единицей эскадрильи и никому передан не будет ни при каких обстоятельствах.

– Полковник Ерёмин, – вскинул он ладонь к козырьку в ответ, – командир сборной авиагруппы. Я получил приказ из Москвы оказывать вам всевозможное содействие. Если честно, то я надеялся, что вы будете в качестве подкрепления нам, но в приказе сказано, что вы действуете самостоятельно. Видел ваш бой над аэродромом и поражён. За пару минут пятнадцать сбитых, и без собственных потерь. Что же вы за эскадрилья такая, капитан?

– Обычная эскадрилья для решения специфических задач. – Полковник мне понравился: сразу чувствуется, что опытный командир. – Нам бы на довольствие встать, товарищ полковник, и определиться по взаимодействию. Да и машины нужно заправить.

– Кому только в голову пришла идиотская мысль формировать отдельную эскадрилью, когда можно просто пополнить действующие части, – чуть слышно пробурчал майор, успевший затеряться за спинами полковника и двух вошедших с ним командиров. Один из них был с энкавэдэшными петлицами и тремя шпалами в них³⁰.

– На приказе о формировании тринадцатой отдельной истребительной эскадрильи стоит резолюция и подпись това-

³⁰ Три шпалы в петлицах – капитан государственной безопасности. Соответствует званию полковника РККА.

рища Сталина, – чётко, буквально по буквам, произнёс я.

Всё. Это то, что называют *coup de grace* – смертельный удар, наносимый поверженному противнику.

В помещении воцарилась гробовая тишина, а вокруг майора, моментально ставшего белее снега, образовалась мёртвая зона. Майор, судорожно сглотнув и рванув воротник, выскочил в коридор. Следом за ним неслышимой тенью вышел энкавэдэшник. Всё, похоже, пипец котёнку. В это время подобные высказывания плохо влияют на общее состояние организма. Фатально, я бы сказал, влияют.

– Идиот, – чуть слышно, одними губами, произнёс полковник.

– А кто это вообще *был*? – спросил я, выделяя последнее слово, отчего пришедший с Ерёминым майор невольно вздрогнул.

– Интендант, – практически выплюнул полковник. – До второй шпалы дослужился, а ума не прибавил. Всё за своё барахло трясётся и только и думает, как его подальше вывезти. Ну да и шут с ним, потом с этим разберёмся. Давайте с вами, капитан, работать. Вот, знакомьтесь, начальник штаба нашей смешанной авиагруппы майор Протасевич Николай Моисеевич. Меня, кстати, Иван Сергеевич зовут. За что Звезда, капитан? – кивнул он на мои награды.

– За семь сбитых в одном бою, товарищ полковник.

Я даже несколько смутился.

– Погоди-ка, я же слышал об этом, только не поверил. Ду-

мал, байка, – присоединился к разговору майор. – Только говорили, что немцев сбил красноармеец-авиатехник.

– Был красноармеец, а теперь вот приказом товарища Сталина стал капитаном и командиром эскадрильи.

Про Сталина вставил умышленно. Если просто скакнуть из рядовых в капитана, то назовут выскочкой, а вот решение *самого* оспариванию и сомнению не подлежит. И вообще, строить из себя скромняжку-курсистку я не собираюсь. Мне в этом времени жить, и поэтому, если есть возможность избежать лишних трудностей, то надо этим пользоваться.

Обговорили с хозяевами взаимодействие. Им, конечно, хотелось бы, чтобы мы занимались сопровождением штурмовиков и бомбардировщиков, но я эти подкаты сразу пресёк.

– Летать совместно с бомберами мы иногда будем, но не в качестве прикрытия. Хотя это и коробит слух, но будем использовать их в качестве живца. Наша задача – это уничтожение истребителей противника. Выполним, и тем же штурмовикам работать будет куда как спокойнее.

Хотел было я заговорить об авианаводчиках на передовой, но вовремя осёкся. Какие, на фиг, авианаводчики, если связи, считай, нет от слова «вообще».

В расположении эскадрильи царила деловая суета. В помощь нашим техникам выделили свободный технический персонал из местных, и дела пошли гораздо быстрее. Лётный состав, закончив бумажную работу, направлялся в столовой

под любопытными взглядами местных.

– Э, дарагой, ти нашего камандира не знаешь! – слышался голос Гуладзе. – Звэр, а не лётчык. Адын против десятка в воздухе выходыл и всэх сбывал. Герой, и не смотри, что ма-ладой. Он нас, знаешь, как учил? Он нас так учил, что мы на фронт как на отдых лэтели.

Я вошёл в столовую.

– Дункан, хорош байки травить! Заканчивайте здесь и готовьтесь к вылету в составе звена. Прогуляемся к линии фронта. Что-то немчура здесь вкрай оборзела, надо поучить их манерам.

Надо ли говорить, что тарелки вмиг опустели, и второе звено со скоростью молнии ломанулось к своим самолётам. Кстати, на тарелки мои орлы посматривали как-то уж очень нехорошо. Надо будет предупредить, чтобы даже не думали заниматься приватизацией посуды.

Сразу после взлёта взяли курс строго на запад, к линии фронта. Там повернули на север и шли до города Белый. Шли уже ставшей обязательной «этажеркой». Мы с Кортесом заняли место на верхнем эшелоне.

Под крыльями лежали позиции пехоты, во многих местах видны были всполохи разрывов снарядов и мин. В небе же было на редкость пусто. Уже на подлёте к Белому Кортес заметил приближающиеся с запада самолёты. Сблизились. Это оказалась пятёрка наших Ил-2, возвращающихся с задания. На их плоскости было просто страшно смотреть: все в рва-

ных дырах. Фюзеляжи также пробиты. Один из штурмовиков вообще только чудом держался в воздухе, так как большого куска обшивки на крыле просто не было. Досталось парням. А штурмовики-то одноместные и идут без истребительного прикрытия.

Над Белым развернулись на обратный курс и пошли на Ярцево. Да где немцы-то? Судя по когда-то прочитанному и увиденному в фильмах о войне, их самолёты должны непрерывно кружить над советскими войсками, а тут ни одного даже самого завалящего «юнкерса». Перерыв на обед у них, что ли?

Уже на подходе к Ярцево Кортес доложил:

– Командир, впереди четыре «мессера» и шесть «лаптёжников». Бомбят кого-то.

Я уже и сам увидел вдалеке периодически срывающиеся к земле чёточки самолётов. Чуть выше основной группы крутились ещё четыре чёточки, также по очереди попарно ныряющие вниз. Зрение у Санчеса, конечно, может, и не радар, но близко к этому.

– Дункан, твои «лапти». Бей с «кобры» «веером». Мы с Кортесом берём «мессов». Ты, как отработаешь своих, присоединяйся, если успеешь.

«Коброй» назвали тактическую схему, когда в атаку выходишь на бреющем полёте, перед самым противником делаешь свечку и бьёшь снизу. Похоже на бросок кобры. Очень уж всех впечатлила наша с Санчесом учебная атака пары

Князя и Горбатого, так что стали отрабатывать и такой приём. Теперь вот опробуем его на реальном противнике. Ну а «веер» – это когда каждый самолёт группы самостоятельно атакует своего противника.

Четыре истребителя с красными оконечностями крыльев заскользили над самой землёй, почти сливаясь с ней, а мы с ведомым пошли в плавный вираж с набором высоты, забирая к западу.

Немцы нас с Кортесом заметили. «Мессы» разделились, и пара полезла наверх, а вторая, плавно развернувшись, не спеша пошла нам на перехват, бросив своих подопечных. А чего бы им не поразвлечься с парой унтерменшей, по какому-то недоразумению решивших назваться рыцарями неба. Других-то русских самолётов не видно. А нам только того и надо. Теперь Дункан со своими может работать спокойно, не отвлекаясь на всякие мелочи вроде четвёрки «мессеров».

Удар по бомбардировщикам немцы откровенно прозевали. Да и не мудрено, атакующую четвёрку «яков» они не видели до самого мгновения удара. И именно что мгновения. Выскочив, словно чёртик из табакерки, звено Дункана разом буквально смело с неба три «юнкерса», расстреляв их как на учениях. По четвёртому либо кто-то промахнулся, либо повреждения не были фатальными.

«Мессеры» дёрнулись было на помощь своим избиваемым подопечным, но всё же не стали сбрасывать нашу пару со счетов, решив отыграться на нас.

– Кортес, твои прямо, я наверх.

Разделяемся с ведомым, и я делаю горку в направлении ушедшей наверх пары немецких истребителей. А вот и они, голубчики. Явно не ожидали от меня такой наглости и решили наказать. А вот хренушки. Руки и ноги делают свою работу, мозг моментально производит вычисления не хуже компьютера, и я бью из всех стволов с небольшим упреждением. Ведущий «мессер» напарывается на очередь и вспыхивает свечкой. Его ведомый шарахается в сторону, сбивая себе прицел, и с рёвом проносится мимо меня вниз.

Переворачиваюсь через крыло и спешу на помощь своему ведомому. Но там тоже уже всё закончилось. Один из «мессов» с густым чёрным дымом валится вниз, а второй со всех ног улепётывает на запад, прихватив с собой уцелевшего из «моей» пары. «Лаптёжники» тоже ломанулись в сторону заката, и тут у одного из них вдруг складывается вверх крыло. Всё же повредили его, похоже, серьёзно.

С востока показалась тройка И-16, спешащих к месту боя. А всё уже, опоздали. Хотя можно попробовать догнать удирающую пару Ю-87, но это вряд ли. «Ишачки» просто не успеют, а мы не полезем, так как нам ещё возвращаться к себе, а горючее в баках не бесконечно. Да и по пути домой можно напороться на самолёты противника.

Собираю своих, и мы, с чувством хорошо выполненной работы, направляемся к себе, оставляя позади шесть костров на земле и четыре висящих в воздухе купола парашютов.

М-да, не повезло немцам: ветерок несёт их напрямик в наш тыл. Хотя, может, наоборот, повезло. Война для них закончилась, и они имеют все шансы вернуться домой.

Ближе к вечеру совершили ещё один вылет в полном составе – на отражение авианалёта на Вязьму. Четыре десятка He-111 и Ю-88 в сопровождении тридцати Me-109 всей своей тевтонской душой желали разбомбить железнодорожную станцию со всеми находившимися на ней воинскими эшелонами, санитарными поездами и составами с беженцами. Сила на Вязьму шла довольно внушительная. Аэродром в Издешково был качественно обработан «лаптёжниками» и минимум на сутки выведен из строя, так что с этой стороны немцам бояться было нечего. Исходящей от нас опасности для себя они ещё не прочувствовали, так что шли довольно уверенно.

Договорились с полковником Ерёминым, что его орлы возьмут на себя бомберы, а мы займёмся идущими в прикрытии «мессами». Я принял решение, что пойдут я с ведомым и звенья Шила и Князя. Звено Дункана поднимется в воздух позднее, когда немцы будут отходить. Ерёмин также оставил резерв. Причём для добивания бомбардировщиков он решил использовать одноместные Ил-2 в качестве тяжёлых истребителей. Вот их и прикроет наше второе звено.

Бойня на подходе к Вязьме вышла знатная. Мы связали боем «мессеры», с ходу завалив шестерых, а ерёминские на

«ишачках», «чайках» и пятёрке МиГ-3 устроили форменное избиение бомбардировщиков, не отвлекаясь на истребители сопровождения. Немцы были вынуждены вывалить весь свой груз в чистое поле и развернуться назад, где их уже ждали с распростёртыми объятиями.

Итогом боя стали двадцать девять сбитых бомбардировщиков и двадцать два сбитых истребителя противника. Ерёминские потеряли семь истребителей, четыре штурмовика и трёх лётчиков убитыми. Тринадцатая эскадрилья потерь не имела, хотя пробоин привезли изрядно. Из кабин истребителей техники и оружейники нас буквально доставали, настолько мы вымотались.

– Ну как там, Илья? – спросил Кузьмич, помогая мне устроиться поудобнее на расстеленном под крылом брезенте и заботливо протягивая фляжку с прохладной водой с добавлением глюкозы.

– Нормально там, Кузьмич. – Я одним глотком буквально влил в себя чуть сладковатую воду. – Немчуры набили просто жуть, аж посмотреть приятно.

Я поискал глазами, у кого бы ещё стащить фляжку с водой, но Федянин к такому был готов и жестом фокусника буквально из воздуха материализовал ещё один сосуд. Кстати, стеклянный. Здесь вообще у многих на поясе стеклянные фляжки. На этот раз водичка была чуть подкисленная какими-то ягодами и приятно освежала.

Рядом устало буквально рухнул прямо на примятую траву

Юсупов, а следом за ним подошли Шилов, Гуладзе и Гайдар. Молча сидели и заново переживали тяжёлый бой. Вид у парней был хоть и изрядно помятый, но откровенно обалделый. Они и сами не верили, что смогли порвать в клочья такую армаду противника.

Если честно, то я и сам был изрядно удивлён. Казалось бы, чего можно добиться двумя неделями, пусть и напряжённых, тренировок. Ну освоили по верхам новые тактические приёмы, разучили до автоматизма несколько фигур высшего пилотажа, чему, кстати, в лётных училищах практически не учат. Тут в этом плане главное безаварийность, так что курсантов учат взлёту – посадке, умению пла-а-авненько пройти по квадрату да слегка тренируют в стрельбе.

Мы же готовились именно воевать, нещадно выжимая из машин всё, на что они способны на вертикалях, и ещё чуточку больше, а результат на выходе получился просто ошеломляющий. Или, может, так сложились обстоятельства, что люди подобрались уникальные? Не знаю. Ответа на это у меня нет, но можно с уверенностью сказать, что свой экзамен эскадрилья сдала с самыми высокими баллами.

– Ну что, орлы, как вам фронтовой отдых? – вспоминая слова Гуладзе, спросил я, чем вызвал смешки у командиров звеньев.

– Я такой отдых не променяю ни на один курорт, – потянувшись и разминая плечи, произнёс Шилов.

Это послужило спусковым крючком, и мы в полный голос

захохотали, сбрасывая нервное напряжение. Наступил откат после боя. От смеха на Гуладзе напала икота, что вызвало новый взрыв хохота. Один лишь Гайдар сдержанно посмеивался и с пониманием глядел на нас.

Наконец кое-как успокоились и разошлись писать отчёты. И никуда от этого не денешься. Учёт важен, особенно на войне. По всему выходило, что на нашем счету было восемнадцать «мессеров» и семь бомбардировщиков. Из них два «мессера», один «хенкель» и один «Юнкерс-88» были мои и два Ме-109 завалил Кортес. В том, что подтвердят, сомнений не было: весь бой проходил над нашей территорией.

Уже возвращаясь из столовой после ужина, обратил внимание на сидящих отдельной группой и что-то обсуждающих местных лётчиков и технарей. Похоже, собрание проводят – либо партийное, либо, что вероятнее всего, учитывая молодой возраст собравшихся, комсомольское.

У нас в эскадрилье тоже есть и партийная, и комсомольская ячейки. Гайдар, как только прибыл в расположение, сразу озаботился этим вопросом, да ещё и мне выговорил наедине. Кое-как отговорился тем, что процесс формирования и подготовки съедает всё свободное время. А ведь это мог быть залёт, и залёт по нынешним временам серьёзный. В итоге парторгом выбрали старшину Федянина, а комсоргом стал младший лейтенант Сударь. Я, кстати, тоже ношу в кармане комсомольский билет.

Утро нового дня принесло небольшой дождик. Пока погода не позволяла подняться в небо, провели подробный разбор вчерашних боёв. Расположились под брезентовым навесом, и там с деревянными модельками самолётов в руках каждый рассказал о проведённых им манёврах. Радовало то, что народ находил ошибки, и тут же звучали предложения, как было бы эффективнее выполнить ту или иную атаку или манёвр уклонения. Покритиковали и меня, когда настала моя очередь, сразу нашли несколько ошибок.

В самый разгар, так сказать, дискуссии, меня дёрнул за рукав сидевший рядом Санчес и мотнул головой в сторону. Под самым краем навеса, едва укрывшись от мелкого дождика, стояли полковник Ерёмин и майор Протасевич и с интересом наблюдали за происходящим.

– Извините, товарищи, не помешаем? – заметив, что я обратил на них внимание, спросил Ерёмин. – Очень уж интересно у вас здесь.

Полковнику с майором тут же уступили место, и разбор полётов продолжился. Протасевич то и дело что-то черкал у себя в блокноте.

– Слушай, Илья Андреевич, а как ты посмотришь, если я своих к тебе пришлю, чтобы послушали? – спросил Ерёмин, когда все разошлись. – Пусть поучатся.

– Хорошая идея, Иван Сергеевич, – согласился я. – Мы из своей работы тайны не делаем, поэтому расскажем и покажем всё, что сами знаем и умеем. Вот вечером после по-

лётот пусть к нам и подтягиваются.

Ближе к обеду небо как-то резко очистилось, и спустя полчаса от утреннего дождика не осталось и следа. Мы уже собирались вылететь на свободную охоту, когда над ВПП показался УТИ-4³¹ в сопровождении пары И-16. С ходу зайдя на посадку, двухместный «ишачок» подрулил к штабу авиагруппы. Почти сразу оттуда в нашу сторону стартовала полуторка. Как оказалось, прилетел командующий авиацией Западного фронта полковник Науменко, назначенный на эту должность после того, как бывший командующий генерал-майор Копец³² застрелился в первый же день войны.

Прилетел командующий, как оказалось, по наши души. Свидетелем боя над Ярцево оказался генерал-майор Рокоссовский³³, командующий оперативной группой войск. Он

³¹ Двухместный учебный вариант истребителя И-16.

³² *Копец Иван Иванович* – лётчик-истребитель, генерал-майор авиации, командующий ВВС Западного фронта в первый день Великой Отечественной войны. Герой Советского Союза за воздушные бои в Испании. Совершив облёт разрушенных аэродромов и узнав о масштабах потерь, Копец застрелился в своём служебном кабинете. Общие потери ВВС Западного фронта 22 июня составили 738 самолётов, в том числе 528 было потеряно на земле.

³³ *Рокоссовский Константин Константинович* (Константий Ксаверьевич) (польск. *Konstanty Rokossowski*) – этнический поляк. Советский и польский военачальник, дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). Кавалер ордена «Победа» (1945). Единственный в истории СССР маршал двух стран: маршал Советского Союза (1944) и маршал Польши (1949). Командовал Парадом Победы 24 июня 1945 года на Красной площади в Москве. Один из крупнейших полководцев Второй мировой войны. В начале войны командовал 9-м механизированным корпусом в сражении под Дубно – Луцком – Бродами. Несмотря на некомплект

связался с командующим ВВС фронта и поинтересовался, что это за авиачасть с самолётами с красными крыльями так лихо воюет. Полковник Науменко, в свою очередь, позвонил в Холм-Жирковский, где ему поведали о количестве сбитых немецких самолётов прилетевшей отдельной эскадрилей. В первый момент он не поверил и чуть не матом потребовал дать ему реальные данные, а не выдуманные. Получив вновь тот же ответ, он не выдержал и решил сам посмотреть, что это за чуды-юды такие объявились, что семерых одним махом побивают.

Пришлось мне с Санчесом остаться и ехать в штаб, чтобы предстать пред очи начальства. С завистью смотрел я на взлетающие самолёты эскадрильи. А ведь красиво, чёрт побери! Техники с оружейниками всю ночь не спали, но смогли заделать все пробоины и подготовить машины к новому боевому дню.

Пообщались с полковником Науменко в целом очень даже неплохо, хотя поначалу он и высказался в том смысле, что

танков и транспорта, войска 9-го мехкорпуса в течение июня – июля 1941 года активной обороной изматывали противника, отступая только по приказу. За успехи был представлен к четвёртому ордену Красного Знамени. 17 июля Рокоссовский прибыл в штаб Западного фронта, однако в связи с ухудшением обстановки ему было поручено руководство оперативной группой для восстановления положения в районе Смоленска. Ему выделили группу офицеров, радиостанцию и два автомобиля, остальное он должен был добирать сам: останавливать и подчинять себе остатки 19-й, 20-й и 16-й армий, выходивших из смоленского котла, и удерживать этими силами район Ярцево. Группа Рокоссовского способствовала деблокаде окружённых в районе Смоленска советских армий.

если собрать вместе лучших лётчиков, то и результат будет заведомо отличный. И был очень удивлён, когда я сказал, что лётчики в эскадрилье самые обычные, из обычных строевых частей, просто летаем мы не по шаблону и используем новые тактические приёмы. В итоге перед тем, как улететь, командующий авиацией фронта передал благодарность всему личному составу эскадрильи и пообещал отметить нас в докладе в Москву.

Глава 6

В небе Подмосковья

Чудо не произошло. Да и не могла, при всём своём желании, одна-единственная эскадрилья переломить ход войны. Хотя и потрепали мы 2-й воздушный флот люфтваффе изрядно. Начавшееся восьмого августа наступление 30-й и 19-й армий под командованием генералов В. А. Хоменко и И. С. Конева на направление на Духовщину завязло в обороне немцев. Прорвав передний край, они так и не смогли выйти в оперативную глубину.

Сверху нам хорошо было видно, насколько упорные бои идут по всей линии соприкосновения. Очень помогла нашим наземным войскам поддержка с воздуха. Полковник Ерёмин прислушался к моему совету и активно использовал уже не такие эффективные истребители И-153 «Чайка» и И-15 бис в качестве лёгких штурмовиков. Ну а нам всё же пришлось выступать их прикрытием от атак немецких истребителей. Потери «чайки» и «супер чато»³⁴, конечно, несли большие, но и шороху наводили немало, уничтожая технику и артиллерию противника и поливая пулемётным огнём скопления

³⁴ «Чато» (исп. «курносый») – прозвище, которое в годы гражданской войны в Испании (17 июля 1936 – 1 апреля 1939) дали истребителю И-15. «Супер чато», соответственно, назвали И-15бис, появившийся в Испании в последние месяцы войны.

пехоты немцев.

Не забывали мы и о свободной охоте. Как смеялись наши лётчики, летали проветриться в свободное от работы время. Во всяком случае, старались, чтобы одно звено этим занималось. Почти из каждого вылета возвращались с парой-тройкой побед. Так и «развеивались», ежедневно сменяя друг друга.

А после полётов, какими бы ни были уставшими, почти все дружно шли на устроенное неподалёку стрельбище, где с удовольствием стреляли по полюбившимся всем тарелочкам. Где они их нашли, остаётся загадкой. На мои осторожные расспросы только хитро улыбались, однако из столовой жалоб на нехватку посуды не поступало. Ну а патронами для ружей запаслись ещё в Раменском.

Увы, но такое времяпрепровождение прошло мимо меня. Каждую свободную минуту я систематизировал на бумаге процесс подготовки, описывал и рисовал новые тактические схемы. Это мне Ерёмин посоветовал сделать.

В середине августа со свободной охоты вернулось звено старшего лейтенанта Гуладзе. Стоило лишь винтам остановиться, как Дункан выскочил из кабины, сбросил с себя парашют и, с силой швырнув на землю шлемофон, едва не начал топтать его ногами, громко выкрикивая русские и грузинские ругательства и грозя кулаком в сторону заката. Наконец, смачно плюнув в ту сторону, он поднял с выгоревшей

на солнце травы шлемофон, стряхнул с него пыль и пошёл в сторону наших землянок. Я как раз только умылся и, вытираясь полотенцем, смотрел на весь этот цирк.

– Зураб, ты чего такой нервный?

– Ай, представляешь, командыр, лэтим, и тут навстрэчу нэмцы. Восэм. «Мэссэры». Как на параде, – активно жестикулируя, рассказывал Гуладзе. – Ну, мы обрадовалыс, на них довернули, а они, эти шакалы, в вираж и удралы. Лэтим дальше. Опять нэмцы. «Лаптёжники» и тоже восэм «мэссеров». Нас увидэли и тоже удралы. Ну как тут работать, а?! Никого не сбили, зря бэнзин сожгли. Прышлось на пэрэдовой расстрелять миномётную батарэю у нэмцев и по окопам из пулэмётов пройтись.

Расстройству Гуладзе не было границ.

На следующий день я сам стал свидетелем странного поведения немцев. Мы пристроились к идущим на штурмовку Ил-2, надеясь использовать их в качестве приманки. Ну не могли немцы не клюнуть на такую лакомую добычу, как не прикрытый с хвоста одноместный штурмовик. И они клюнули, но потом что-то явно пошло не так. Я успел срезать одного с дальней дистанции, и тут же целый штаффель «мэссеров» резко развернулся и дал дёру.

– Э, куда?! – только и успел я проорать в эфире, прежде чем немцы скрылись в утренней дымке.

Ещё через день стала ясна причина такого поведения немцев. Сбитый над нашей территорией и попавший в руки

красноармейцев немецкий лётчик рассказал, что им было приказано всячески избегать боя с самолётами с красными оконечностями крыльев: мол, на них летают какие-то особенные лётчики из личного полка Сталина, встреча с которыми в воздухе означает верную смерть. По данным радиоперехвата, которыми с нами поделился командующий ВВС фронта полковник Науменко, немецкие авианаводчики уже начали орать: «Achtung! Rote Flugel im Himmel!»³⁵

Семнадцатого августа, собрав ударный кулак, командование фронта предприняло новое наступление. За несколько дней боёв наши части смогли продвинуться лишь на пару километров, а местами и того меньше. В конечном итоге бились лбом об оборону противника, неся при этом немалые потери, аж до десятого сентября, когда Ставка отдала приказ о переходе к обороне. Безусловно, самым положительным результатом всех действий войск фронта стало освобождение шестого сентября города Ельня. А в ночь с восемнадцатого на девятнадцатое сентября советские войска оставили Киев.

Мы вынуждены были изменить тактику. Теперь мы занимались сопровождением штурмовиков и бомбардировщиков, пытаясь спрятаться среди них. Часто это получалось, и, выскочив как чёрт из табакерки, мы уничтожали пытавшихся атаковать наших подопечных. Дошло до того, что немцы стали с опаской приближаться к любым красnozвёздным са-

³⁵ Внимание! В небе Красные крылья! (нем.)

молётам.

Однако выход они нашли. Отправляли в атаку пару, а остальные наблюдали со стороны. Естественно, позволить обижать своих мы не могли и сбивали этих либо храбрецов, либо невезучих, которым выпал такой жребий. А вот остальные тут же ретировались, видя, что им здесь не рады.

Как бы там ни было, но к концу сентября на счету эскадрильи было сто два сбитых самолёта противника. После вышедшего 19 августа приказа № 0299 «О порядке награждения летного состава ВВС РККА за хорошую боевую работу и о мерах борьбы со скрытым дезертирством среди военных летчиков» оказалось, что четверо лётчиков эскадрильи выполнили норму на звание Героя Советского Союза, а уж ордена заработали все без исключения. Да ещё и смеялись, что теперь денежной награды (тысяча рублей за каждый сбитый плюс выплаты за количество боевых вылетов) точно хватит и на коньяк, и тарелок закупить побольше. Свой личный счёт я довёл до сорока семи сбитых.

Все отчёты о боевой работе эскадрильи в целом и каждого пилота отдельно я ежедневно отправлял в штаб ВВС Жигареву. Оттуда заверили, что за наградами дело не станет. Кроме того, отправил в Москву представление на награждение комиссара эскадрильи Гайдара и начальника особого отдела младшего лейтенанта госбезопасности Данилина орденами Красного Знамени, как проявивших особую храбрость и мужество при непосредственной боевой деятельности.

В конце августа немцы решили разделаться с нами раз и навсегда. Рано утром, когда рассвет ещё только-только забрезжил на востоке, над аэродромом появились немецкие пикировщики Ю-87 в сопровождении целой своры Ме-109.

Спасло нас только то, что буквально накануне мы сменили место стоянки и перебрались на другую сторону аэродрома, поближе к импровизированному стрельбищу. Надоело, видите ли, сталинским соколам ноги бить и топтать в такую даль, чтобы пострелять вволюшку. Немецкая разведка среагировать на это не успела, и «юнкерсы» вывалили бомбы на пустую опушку. Однако всё же смогли разглядеть, что там никого нет, и развернулись уже в нашу сторону.

Вот в этот самый момент Гайдар вместе с Данилиным подбежали к счетверённой пулемётной установке, расчёт которой посекло осколками от близкого взрыва, и первой же очередью сбили самый настырный «лаптёжник». Идущему следом тоже досталось, и он, чадая чёрным дымом из-под капота, отвалил в сторону и взял курс на запад.

Не ожидая такой ответки, немцы порскнули в разные стороны, что дало время другим расчётам ПВО занять свои места и открыть ураганный огонь. Под их прикрытием смогла взлететь пара Гоч – Смолин и с ходу завалить ещё пару Ю-87 и один «мессер». Увидев, что на взлёт пошли ещё Rote Flugel³⁶, асы люфтваффе предпочли ретироваться, потеряв при этом ещё пару бомбардировщиков. Так что ордена ко-

³⁶ Красные крылья (нем.).

миссар с особистом честно заслужили.

В конце сентября из Москвы поступил приказ возвращаться. Только лететь нам предстояло не в Раменское, а на Центральный аэродром. Напоследок вылетели в полном составе к линии фронта, показали себя, пошумели слегка, проштурмовав немецкие позиции, и сбили парочку зазевавшихся немцев.

Тепло попрощавшись с полковником Ерёминым, с которым почти что сдружились, с начальником штаба майором Протасевичем и лётчиками авиагруппы, взяли курс на Москву. Вёл нас наш верный DC-3, который всё то время, что мы героизмовали на фронте, тоже не стоял без дела, то мотаясь за запчастями, то помогая с эвакуацией раненых.

На Центральном аэродроме нас встречал сам главком ВВС РККА генерал-лейтенант Жигарев. Поблагодарив личный состав за отличную службу, он забрал меня, а остальным приказал отдыхать и готовиться к награждению. Видно было, что он сильно торопился.

— Сам велел привезти тебя к нему, как только прибудете, — уже в машине, показав глазами вверх, сказал Жигарев. — Положение на фронтах, сам знаешь, какое тяжёлое, а тут ещё Киев сдали. Злой был. А вот за вашими успехами следил. Несколько раз сам звонил и спрашивал, как там самый нахальный капитан ВВС воюет.

Сталин встретил нас с Жигаревым вполне приветливо. Подробно расспрашивал о том, как воевали, о настроении в

эскадрилье и в авиагруппе, в составе которой мы вроде как числились.

– Мне доложили, что немцы начали избегать вступать с вами в бой и издали соответствующий приказ. Это правда? – чуть прищурившись, посмотрел на меня Сталин.

– К сожалению, правда, товарищ Сталин, – вполне откровенно горестно вздохнул я.

– Почему «к сожалению»?

– Так ведь совершенно невозможно стало работать, – пожал я плечами. – Только соберёмся подраться, а они драпают. У меня лётчики все расстроенные ходят.

Сталин улыбнулся.

– Молодцы! А товарищам лётчикам передайте, чтобы не расстраивались. Немцев на всех хватит. И всё же, в чём, по-вашему, причина такой результативности вашей эскадрильи?

А дальше пошёл уже, как говорится, деловой разговор. Узнав, что я подготовил методичку, Сталин попросил передать её ему для ознакомления. Благо с аэродрома я поехал на встречу, не переодеваясь, и несколько тетрадей с записями лежали у меня в планшете, который охрана, когда сдавал пистолет, осмотрела, но оставила при мне.

Сталин читал быстро, но было видно, что внимательно. Пару раз возвращался к уже прочитанному и делал, по своей привычке, пометки на полях красным карандашом.

Наконец он закончил с чтением, не спеша набил трубку

табаком и прикурил. Над столом, покрытым зелёным сукном, поплыл ароматный дым.

— Есть мнение, что ваш опыт и разработанная вами методика подготовки пилотов истребительной авиации должны быть размножены и переданы для ознакомления всем лётчикам нашей авиации. Оставляйте свои тетради. Я распоряжусь, чтобы их незамедлительно отправили в типографию. И я рад, что не ошибся в вас, товарищ Копьёв.

Хотел я было спросить о поисках месторождений алмазов, но воздержался. Раз Сталин сам об этом не сказал, то, значит, не моего это ума дело.

Нам дали два дня отдыха перед награждением, а затем весь лётный состав эскадрильи, плюс Гайдар с Данилиным, в новенькой, только что выданной форме отправился на автобусе в Кремль.

Старший лейтенант Шилов, старший лейтенант Юсупов, лейтенант Гоч и младший лейтенант Филонов стали Героями Советского Союза. Все остальные получили ордена Красного Знамени. Также Знамя получили и Гайдар с Данилиным, причём их награждению заметно порадовался присутствовавший на церемонии нарком внутренних дел Л. П. Берия. Нечасто армейцы балуют подчинённых грозного наркома представлениями к орденам.

Я получил, к некоторому удивлению моих подчинённых, орден Красного Знамени. Как позднее сказал Жигарев, против моего награждения второй звездой Героя выступили

представители ГлавПУРа, высказавшиеся в том плане, что не стоит награждать высшей наградой слишком часто, да ещё в то время, когда армия повсеместно отступает.

Но, несмотря на их сопротивление, меня и Гайдара, как комиссара эскадрильи, наградили орденами Ленина в соответствии с пунктом приказа № 0299, в котором говорилось, что «командир и комиссар эскадрильи, уничтожившей в воздушных боях не менее пятнадцати самолётов противника и потерявшей при этом не более трёх своих самолётов, представляются к ордену Ленина».

М-да, иконостас у меня на груди получился солидный. Хотя слухи о том, что мы любимчики Сталина, оказались слегка преувеличены. Да и не всесилен Иосиф Виссарионович, что бы ни писали о нём в будущем, и вынужден учитывать мнение других.

После церемонии решили обмыть награды в ресторане. После недолгих размышлений выбор пал на «Арагви». Посидели вполне душевно, но в меру. Блюда выше всяких похвал, особенно для нас, привыкших к фронтовой трапезе. Коньяк тоже был превосходный. В честь знаменательного события налили по сто грамм и нашим лётчикам-лётчикам.

А на следующий день на общем построении приехавший главком авиации генерал-лейтенант Жигарев зачитал приказ наркома обороны Советского Союза И. В. Сталина о присвоении 13-й отдельной истребительной эскадрилье почётного звания гвардейской за боевые подвиги, организован-

ность, дисциплину и образцовый порядок, с вручением особого знака отличия – гвардейского знамени. Теперь мы стали именоваться 13-й отдельной гвардейской истребительной эскадрильей специального назначения. Народ воодушевился настолько, что, казалось, прикажи – и они голыми руками разорвут в клочья всё люфтваффе.

Ещё два дня ждали, когда с завода перегонят для нас новые самолёты. Наши было решено списать. Облётывать новые машины начали второго октября. В этот же день немцы начали наступление на Московском направлении.

Третьего октября вечером получили приказ вылететь утром следующего дня в Кубинку. Задача ставилась прикрыть Москву с этого направления. Я даже несколько раз перечитал текст приказа. Смысла в нашем перебазировании тогда именно сейчас не было. Вернее, пока не было. Днём немцы бомбить столицу не рисковали, предпочитая действовать ночью. А вот у нас в эскадрилье опыт ночных полётов был только у двоих: у меня и у Гоча. Ну, и много мы навоюем вдвоём?

Зато чуть позднее, когда немцы подойдут вплотную к Москве, наше присутствие в той же Кубинке будет очень даже кстати. Бывал я там в своём прошлом-будущем. Пару раз по службе на аэродроме в новом городке и один раз в качестве туриста в танковом музее. Насколько я помнил из истории, Кубинку немцы не возьмут.

Прилетели в Кубинку, на этот раз без транспортника:

смысла гонять его за шестьдесят километров не было. Техники прибыли на новое место на автотранспорте, отстав от нас лишь на несколько часов.

Встретили нас, можно сказать, с распростёртыми объятиями. Многие уже были о нас наслышаны, так что никаких проблем не возникло. Разве что к нашей стоянке началось буквально паломничество. Все хотели посмотреть на наши истребители, украшенные рядами звёздочек по числу сбитых. Ну а мы с удовольствием привлекали этих «паломников» к работам по устройству землянок для личного состава и навесов для самолётов из маскировочных сетей, которые мне удалось буквально с боем вырвать из цепких лапок интендантов. Пока есть такая возможность, надо обустраиваться.

Со старшиной Федяниным на будущее решили соорудить что-то вроде полукапониров для каждого истребителя. Как раз прикидывали с Кузьмичом объём работ, когда к нам подошёл хмурый Гайдар. К слову сказать, нашего комиссара народ любил. И не только за то, что он любимый многими, особенно молодёжью, писатель, но и за то, что несмотря на свой статус и звание он, когда было нужно, надевал комбез техника и наравне с ними копался в моторах, чистил авиапушки и пулемёты, набивал патронами ленты. Да и характер у него был общительный и весёлый и от стоянок самолётов то и дело слышался смех.

– Что, Аркадий, ты не весел? Что головушку повесил?

В присутствии Кузьмича я мог себе позволить такое панибратское обращение. Да и так у нас в эскадрилье особого официоза не было.

– В столовой был, – буркнул Гайдар, усаживаясь рядом на лавочку.

– Так из столовой, наоборот, надо приходить в хорошем настроении, – сдохмил я. – Или тебе компота не налили?

– Паникёры они, – зло бросил он. – Случайно услышал разговор вольнонаёмных. Говорят, что надо родных в Москве предупредить, чтобы из города уезжали побыстрее: мол, Москву сдадут немцам.

– Ну а ты что?

– А ничего. – Казалось, Аркадий вот-вот взорвётся. – Ушёл я по-тихому. Испугался.

– Чего испугался? – пришла моя пора удивляться.

– Не чего, а кого. Себя я испугался. Как услышал такие разговоры, так чуть в голове не помутилось. Ты же знаешь мою историю. Вдруг сорвусь и наворочаю дел? Эх, хреновый из меня комиссар. Не нашёл слов, чтобы возразить.

Гайдар вздохнул и опустил голову.

– Ну, насчёт того, что не нашёл что сказать, это действительно хреново. А вот касаясь того, какой ты комиссар, то это не тебе, а вон им судить, – кивнул я в сторону техников, дружно таскавших брёвна на перекрытия землянок. – А знаешь, пойдём в столовую да чайку попросим. Там и покумеваем, что и кому говорить надо.

В столовой кроме чая нам выдали по пышной сдобной булочке с маслом. Эх, хорошо быть лётчиком в Красной армии. Вот что-что, а кормят хорошо.

– Вон те, – чуть заметно кивнул Аркадий в сторону двух посудомоек, гремящих какими-то кастрюлями.

– Спасибо, девицы-красавицы, – громко поблагодарил я, когда почаёвничали. – Булочки просто объедение. Ел бы и ел, да боюсь, меня потом самолёт в воздух не поднимет. Ну а на то, что тут некоторые несознательные граждане говорят, что Москву сдадим, – я чуть повысил голос, не глядя на замерших посудомоек, – то спешу их успокоить: Москвы немчуре не видать как своих ушей. Несколько дней назад я был у товарища Сталина и краем уха слышал, как там обсуждали проведение седьмого ноября парада на Красной площади. Так что немцы если и войдут в Москву, то только в колонне военнопленных. И прекращайте разводить панику.

Последнюю фразу я говорил, уже глядя в упор на побледневших женщин, продолжавших держать в руках только что отмытые кастрюли.

– Илья, а про парад – это правда? – спросил Гайдар, когда мы шли к своей стоянке.

– Что якобы слышал, нет. А вот то, что парад будет, правда. Это святая традиция, и из-за каких-то там немцев никто её нарушать не будет.

На ужине (а нам в столовой выделили отдельные столы) появились новые действующие лица. Несколько лётчиков,

явно только что проснувшихся, с интересом и как-то слегка свысока посматривали в нашу сторону. Ну ещё бы им не смотреть свысока, ведь они, как я понял, были ночниками. Элита, можно сказать. А мы были, по своему обыкновению, в технических комбинезонах поверх гимнастёрки. Награды, естественно, видно не было, только петлицы выглядывали из-под расстёгнутого ворота комбеза.

– А вы кто такие будете? – подсел один из ночников к сидящим чуть отдельно Суворову, Смолину, Филонову и Санчесу. Видимо, решил, что они помоложе и званием пониже и на них можно слегка надавить авторитетом.

– Вам вот на помощь прилетели. – Суворов незаметно перемигнулся с Санчесом. – Говорят, вы тут без нас не справляетесь.

– А вы летать-то умеете? – присоединился к беседе ещё один из местных.

– Та ни, – подражая малоросскому говору, по обыкновению прищурившись, ответил Филонов, – мы так, низенько. Вы, дяденьки, не сердчайте, мы быстро научимся. А вы к нам в гости приходите да уму-разуму поучите.

И ведь пришли. Любопытно им, видите ли, стало, что это за желторотиков к ним прислали. Пришли и остановились как вкопанные с отвисшими челюстями. Мой-то самолёт стоял с краю, вот на него первый они и натолкнулись. Мало того что окраска необычная, так ещё и без трёх штук пять десятков звёздочек на капоте.

А тут и наш молодняк нарисовался поприветствовать гостей дорогих. Да все при наградах, а Котяра (младший лейтенант Филонов) так вообще со звездой Героя и орденом Ленина. В общем, вид у местной элиты был ошарашенный.

А ночью, предварительно согласовав с командиром полка майором Титаренко взаимодействие, мы в Гочем в качестве ведомого вылетели на перехват немецких бомбардировщиков, идущих на Москву. М-да, это вам не кабина Су-27, набитая приборами по самое не балуй. Тут из средств обнаружения и прицеливания лишь глаза пилота да провидение господне. Хорошо хоть не опозорился перед Учителем – лейтенантом Гочем. У него-то, в отличие от меня, реальный опыт ночных полётов на нынешних машинах. Да, я в своё время летал ночью и на спортивных поршневых самолётах, но это, как говорится, две большие разницы.

Впрочем, здорово помогли прожектористы, ловя в паутину лучей вражеские бомбардировщики, на которые, словно разъярённые осы, тут же нападали невидимые в темноте истребители. Огненные трассы впивались в туши бомберов, и в небе то тут, то там вспыхивали яркие факелы, стремящиеся к земной тверди. На земле тоже периодически вспыхивали цепочки разрывов – это подбитые немецкие асы стремились избавиться от своего смертоносного груза, вываливая его, куда придётся.

Мы крутились чуть в стороне, когда я заметил тёмный силуэт на фоне облаков. Вернее, даже не столько заметил,

сколько почувствовал, что там что-то есть. Длинная очередь из обеих стволов впилась в чёрный сгусток, который внезапно расцвёл ослепительной вспышкой. Похоже, я попал в бомбоотсек. Тут же откуда-то из-за моего левого плеча в ту же сторону пронеслись трассеры – Гоч высмотрел в осветившей округу вспышке и свою добычу. В ночной тьме вспыхнул яркий факел и стремительной кометой понёсся вниз.

Тут же в нашем секторе зашарили лучи прожекторов. Пара из них на миг осветили нас, но тут же метнулись в сторону. Я обстрелял ещё один He-111, но то ли не попал, то ли повреждения были не фатальные, и фриц ушёл восвояси. Всё же вести бой ночью – это особая наука. Но хотя бы не на сухую слетали и не подмочили свою репутацию.

Следующий день мы с Гочем до обеда отсыпались, а остальной лётный состав учил по картам местность и сдавал зачёт штурману полка. Сбитых нам подтвердили, и мы с полным на то правом пополнили ряды звёздочек на фюзеляжах. На вылет нас не выпустили, а вот местные работали вовсю, сопровождая бомбардировщики и барражируя над передовой, хотя последнее, по моему мнению, приводило лишь к тому, что бессмысленно жгли топливо и расходовали моторесурс моторов. Гораздо эффективнее было бы иметь в нашем секторе своего авианаводчика на передовой.

Пришёл приказ нашей эскадрилье уделять больше внимания непосредственно сопровождению штурмовиков. На

«илах» лежала основная работа по уничтожению колонн бронетехники противника, и беречь их нужно было как зеницу ока. А уж как обрадовался этому приказу майор Титаренко! Его полк, оснащённый истребителями ЛаГГ-3, входил в структуру ПВО Москвы и большей частью работал ночью. А тут ещё и приходилось выделять машины для сопровождения штурмовиков. Естественно, лётчики выматывались. Так что мы пришли очень даже кстати.

В первый вылет на сопровождение штурмовиков пошли в составе 1-го звена старшего лейтенанта Шилова, 3-го звена старшего лейтенанта Юсупова и нас с Санчесом. 2-е звено Гуладзе оставили на аэродроме в готовности номер два. Они поднимутся в воздух, когда мы отработаем и будем возвращаться. Так сказать, на всякий случай.

С «горбатыми»³⁷ встретились в оговоренном квадрате. Из двенадцати штурмовиков у половины за кабинами пилотов устроены самодельные огневые точки воздушных стрелков. Просто вырезали часть обшивки и установили там пулемёт да подвесили брезентовое сиденье³⁸. Боюсь даже предста-

³⁷ «Горбатый» – так прозвали на фронте штурмовик Ил-2 за его характерный силуэт.

³⁸ В начальный период войны одноместные штурмовики несли большие потери от атак с задней полусферы. В авиачастях силами технических служб самостоятельно оборудовали огневые точки для защиты с этого направления. Воздушные стрелки, находясь в незащищённой бронёй части фюзеляжа, часто гибли. Некоторые лётчики-штурмовики вставляли сзади в фонарь кабины черенок от метлы, окрашенный в чёрный цвет, чтобы обмануть немецких истребителей. Пока на фронт не начали массово поступать двухместные штурмовики Ил-2 (какими

вить, какие потери несут стрелки, находясь за пределами бронекapsулы, в незащищённой части фюзеляжа. Тем не менее это хоть какая-то защита от атак истребителей с задней полусферы. Вторая половина Ил-2 были вообще одноместными.

Поравнялся с ведущим. У него, кстати, за кабиной пилота сидел стрелок. Оба с интересом разглядывали звёздочки у меня на борту. Пилот, улыбаясь, поднял вверх большой палец. Видимо, впечатлился. Мы с Санчесом эффектно отвалили в сторону и ушли с набором высоты. Наше место там, выше всех. Буду своего рода диспетчером. Да и Санчесу обзор там побольше.

На подходе к цели штурмовики начали перестраиваться, а мы отвалили в сторону, чтобы не попасть под огонь зениток, которые в бешеном темпе лупили в небо. Нам-то проще, можно уклониться, а каково сейчас в «илах»? Они-то с боевого курса уйти не могут. Хотя и называют Ил-2 летающим танком, а немцы так вообще прозвали его «бетонным самолётом» и «железным Густавом», но наибольшие потери они несут именно от огня зениток.

– Внимание, маленькие! – раздался в шлемофоне голос ведущего штурмовиков. – Атакуем! Всем усилить наблюдение за небом!

Из-под крыльев первой пары штурмовиков сорвались

они и проектировались изначально), проблему защиты задней полусферы решали кто как мог.

дымные стрелы реактивных снарядов и помчались к земле. Внизу что-то полыхнуло. Жаль, с высоты плохо видно.

– Тринадцатый, здесь Кортес! – Санчес бдит. – С запада, высота три, восемь или десять «худых». Далековато, видно плохо.

– Принял, Кортес. Шило, с запада гости. Восемь или десять. Высота три. Встреть. Князь, на тебе «горбатые».

Первое звено устремилось навстречу незванным гостям.

И тут же вновь раздался голос Санчеса:

– На девять часов, высота один, четвёрка «мессов». Ещё пара там же на нашей высоте.

– Князь, твой выход. На девять часов четвёрка бандитов, займись сам. Учитель с «горбатыми». «Горбатые», у нас гости. Работайте спокойно, мы их встретим.

Ну, та пара «мессеров», что выше всех, это, похоже, такой же командир со своим ведомым, как и я. Значит, его надо срезать в первую очередь. Вот им и займёмся.

Плавню пошли в набор высоты. Немцы, похоже, нас ещё не видят. Ну так не у всех такое уникальное зрение, как у Санчеса.

По-моему, немцы так и не поняли, кто их убил. Ещё раз убеждаюсь, что у Ме-109 обзор назад вообще никакой. Мы с Кортесом плавно зашли им в хвост и, как на полигоне, спокойно расстреляли их чуть ли не в упор. Ведущий вспыхнул весь и сразу, а ведомый, беспорядочно кувыркаясь, посыпался вниз без каких-либо признаков огня или дыма. Похоже,

пилот убит.

Ну а мы бросились на помощь вниз. «Илы» уже отработали и, сбившись в плотный строй, уходили на восток. Позади них на земле что-то весело горело и стояли несколько столбов чёрного жирного дыма. Пара Юсупова носилась над ними, высматривая опасность.

– Тринадцатые! Заканчиваем фестивалить. Идём домой! – дал я команду в эфир.

Почти сразу подошла пара Гоч – Смолин, а через минуту и звено Шилова.

Уже на земле подвели итоги. По одному завалили мы с Санчесом, из первого звена Мищенко сбил двоих, и по одному – Шилов и Филонов, одного срезал Смолин. Итого семь. Штурмовики вернулись без потерь, хотя двое из них получили довольно серьёзные повреждения от зенитного огня. Самое интересное, что как только немцы разглядели, с кем имеют дело, то поспешили выйти из боя. Помнят ещё, времени-то прошло не так и много. Да и приказ не связываться с нами всё ещё действует. А против нас здесь всё тот же 2-й воздушный флот люфтваффе. Старые знакомые, можно сказать.

Постепенно сопровождение штурмовиков и «пешек»³⁹ стало ежедневной рутинной. Народ ходил всё более и более хмурый. Не добавило настроения даже то, что мне удалось раздобыть целых четыре ящика с тарелками и охотничьи па-

³⁹ «Пешка» – фронтовое прозвище пикирующего бомбардировщика Пе-2.

троны для ежедневных пострелюшек, которые стали уже нашей традицией.

Немцы упорно не хотели с нами драться. Пришлось связываться со штабом ПВО, к которому мы были вроде как временно прикомандированы, и договариваться о вылетах на свободную охоту.

– Ну что, орлы, – подошёл я к сидящим в курилке с кислыми лицами лётчикам, – совсем закисло? Кто желает полетать?

– «Пешки» или «горбатые»? – лениво спросил лейтенант Мищенко, дымя папиросой и даже не открывая прикрытые в полудрёме глаза.

– А ты сам-то чего бы хотел, Вьюн? – усмехнулся я.

– Эх... – Мищенко наконец-то сел и бросил окурок в стоящее здесь и изображающее урну ведро. – Я бы хотел «мессеров», да побольше. И чтобы они не драпали, а дрались. Скучно.

Он горестно вздохнул.

– Ну, тогда есть предложение отдохнуть и повеселиться. Нам дали добро на свободную охоту.

Наверное, в этот момент Кессельрингу, командующему 2-м воздушным флотом люфтваффе, икнулось. Потому что такого громкого «УРА!!!» лично я ещё не слышал. Ну чисто дети. Прыгают и радуются, как школьники, только что получившие пятёрки за контрольную, к которой совершенно не готовились.

Какое звено первым отправится к передовой на охоту, решили нашим любимым способом – стрельбой по тарелочкам. С отрывом в одно очко победило второе звено, и счастливый Гуладзе со своими орлами бегом бросился к стоянке истребителей.

Следующие три недели стали сущим кошмаром для немецкой авиации в нашей зоне ответственности. Каждый день, за исключением дней, когда либо погода была нелётная, либо приходилось вылетать в полном составе на сопровождение, одно из звеньев делало пару-тройку вылетов на свободную охоту. Немцы вновь начали орать в эфир: «Achtung! Rote Flugel im Himmel!»⁴⁰ Почти из каждого вылета возвращались с победой, а зачастую и не с одной.

Уже заметно похолодало. А у нас куда-то запропастился наш особист. Пятый день от него ни слуху ни духу. На мой вопрос о судьбе Данилина в особом отделе полка ПВО мне ответили, чтобы не переживал: человек работает. И всё. Дальше думай что хочешь. Ну да ладно. Раз человек работает, то и пусть. Он в наши дела особо не лезет, так и в его тоже лезть не следует.

Данилин вернулся сияющий, как пятак, со шпалой лейтенанта госбезопасности⁴¹ в петлице и медалью «За отвагу» на груди. Как оказалось, нами серьёзно заинтересовалась немецкая разведка, и Данилину удалось выйти на их агента

⁴⁰ Внимание! В небе Красные крылья! (нем.)

⁴¹ Капитан в РККА.

и поучаствовать в ликвидации диверсионной группы, нацеленной на наш аэродром.

А на следующий день из вылета не вернулся лейтенант Кравченко (позывной Фил), а младший лейтенант Шишов (позывной Потапыч) едва смог дотянуть на повреждённом истребителе до аэродрома и чудом сумел посадить в хлам избитую машину.

– Я таких ещё не видел, – рассказывал в курилке Гуладзе, от волнения позабывший про свой грузинский акцент. – Размалёванные. Мы только успели минут пять покрутиться над передовой, как они на нас навалились вдесятером. Кто-то у них такой же умелец, как ты, командир. Бьёт издали и точно. Так они Филя и срезали. Мы одного смогли завалить, и если бы соседи на выручку не подошли, то там бы все и остались. Немцы не стали вступать в бой и ушли к себе. Да ещё, сволочи, крылышками так покачали: мол, до встречи.

Дальше Зураб перешёл на свой родной язык. Как я понял, ругался.

М-да, похоже, немцы решили натравить на нас каких-то своих асов. Ну что же, как говорил герой индийского народа товарищ Маугли, мы принимаем бой. Надо только подготовиться как следует. Тем более что Кузьмич обещал за сутки привести машину Потапыча в боеспособное состояние. Не так там всё страшно было, как казалось на первый взгляд.

Поздно вечером в расположение вернулся на попутной полutorке лейтенант Кравченко. Хотя и с исцарапанной мор-

дой лица, но живой. Смог всё же покинуть горящую машину на минимальной высоте. Парашют едва успел раскрыться, как вот она уже, земля-матушка.

А «размалёванные», как их с нашей подачи успели окрестить, устроили форменное избиение соседнему истребительному полку. Мало того что в одном бою сбили одиннадцать «ишачков», так ещё и присовокупили к ним девять бомбардировщиков СБ, которые те самые И-16 сопровождали. С каким-то маниакальным азартом они расстреляли в воздухе всех, кто смог выпрыгнуть с парашютом из подбитых машин.

Как говорится, хочешь насмешить бога, расскажи ему о своих планах. Так и у нас все планы по ответке немецким асам пошли прахом. На следующий день со мной связался сам Жигарев и распорядился оказать содействие разведотделу фронта. Спустя час после разговора на аэродром сел У-2, доставивший представителя этого самого разведотдела аж в чине полковника.

Мы расположились в штабе полка, расстелив на столе карту.

– Вот смотри, капитан, здесь район, который нас интересует. Необходимо провести авиаразведку. Скажу честно, ни один самолёт-разведчик и ни одна разведгруппа оттуда не вернулись. Район плотно прикрыт как зенитками, так и с земли. Нам крайне важно знать, что там происходит. По некоторым признакам, немцы сосредотачивают где-то там

танки для удара на Москву. Так что решай, кто у тебя пойдёт на задание. Снимки района нужны как можно быстрее.

Я задумался. Хотя что тут думать. Самому придётся лететь, и лететь одному: так больше шансов прорваться. У парней, какими бы боевыми они не были, нет моего опыта. А значит, решено: лечу сам. О чём и сказал полковнику.

– Тебе виднее, капитан, – произнёс он. – Больше нам надеяться не на кого, а о вас уже легенды ходят, как вы фрицев в хвост и в гриву бьёте.

Вылетать решил рано утром, с тем расчётом, чтобы на рассвете быть над указанным районом. За ночь на мой «як» установили фотокамеру.

Когда надевал тёплый комбинезон (а наверху, мягко говоря, холодновато) и парашют, Кузьмич похлопал меня по плечу и сказал:

– С Богом, Илья. На рожон не лезь.

– Товарищ старшина, вы же партийный, а в Бога верите, – усмехнулся стоящий рядом младший лейтенант Суворов.

Их звено пойдёт со мной до линии фронта, а третье встретит, когда буду возвращаться, и в случае чего прикроет.

– Командир, а ты сам в Бога веришь? – Данилин, которого обязали проконтролировать, чтобы к отсеку с фотокамерой никто не подходил до момента взлёта, тоже решил поучаствовать в религиозном опросе.

– В Бога? – Я слегка попрыгал, поправляя парашютную систему. – А хрен его знает насчёт Бога, но вот в одно я ве-

рю точно. В то, что пройдёт не так много времени, и мы подойдём к самому фашистскому логову. И будет на обочине дороги стоять указатель «До Берлина 50 км», а ниже от руки рядовой Ваня припишет: «Ни х...я, дойдём!»

Кстати, анекдот в тему. Идёт антирелигиозная лекция, и лектор, заканчивая выступление, говорит: «Бога нет, товарищи, и, чтобы убедиться в этом, сейчас каждый подойдёт и плюнет на икону. И ничего страшного ему за это не будет».

Все подходят, плюют, один лишь Рабинович спокойно сидит на своём месте. Лектор спрашивает его: «А вы что же, товарищ Рабинович, не идёте и не плюёте?» – на что Рабинович отвечает: «Если таки Бога нет, то плевать просто бессмысленно, а если он вдруг есть, то зачем так сразу портить с ним отношения?»

Громкий хохот взрывом раскатился над стоянкой 13-й эскадрильи, а я полез в кабину истребителя. Пора, однако.

Линию фронта пересёк в составе звена и, уже углубившись на вражескую территорию на несколько километров, отделился от группы. Парни слегка пошумят и вернутся к себе, а мне предстоит вояж в тыл к немцам.

К интересующему разведку району подошёл с севера. На земле стало уже совсем светло, и в прохладном воздухе отчётливо было видно несколько столбов белого дыма. Очень похоже на полевые кухни. Так, а это что такое? Ну прямо классика жанра: поле, а на нём – много стогов сена. Даже слишком много. Прошёлся над ними на километровой вы-

соте, делая снимки, а потом резко спикировал и дал очередь из пушки по одному из стогов. Что и требовалось доказать. Под сеном оказалась бронированная тушка танка.

Поняв, что фокус не удался, немцы открыли ураганный огонь из зениток. В небе стало несколько тесновато от пролетающего металла. Набрал высоту полтора километра и прошёл над районом ещё раз, щёлкая электрозатвором камеры. Блин, а страшновато. Когда снимаешь, то нельзя сменить курс и приходится идти как по ниточке, чем и пользуются расчёты зениток, всё больше и больше сжимая кольцо разрывов вокруг крохотного самолётка.

Всё, хорош. Надеюсь, снимки получились, и разведка увидит на них что-то стоящее. Хотя танки по-любому должны разглядеть. Вон они как шустро начали расползаться по полю, словно тараканы, спасаясь от тапки. Не, на фиг, на фиг. Домой.

Но домой сразу не получилось. Когда до линии фронта оставалось километров двадцать, наперерез мне из облаков вынырнула четвёрка «мессеров». От одного взгляда на них предательский холодок пробежал по спине. Вот они, голуби размалёванные, ёрш их медь. Интересно, только четверо или?.. А вот хренушки, вся банда здесь. Остальные отсекают от нашей территории. Прямо дежавю какое-то. Совсем недавно так же дрался один против толпы, когда прикрывал отход наших со штурмовки. Только там фрицы были немного пожиже.

Упс, а вот и снайпер местного разлива нарисовался. Я едва успел увернуться от очереди, выпущенной с приличной дистанции. Ну что же, деваться некуда, придётся принимать бой. Надо только потихоньку оттягивать их к своей территории.

Всё, что происходило потом, память не сохранила, изрядный кусок времени словно оказался практически полностью стёрт. Остались только мельтешение крыльев с крестами, какие-то драконы, единороги, ястребы и прочая чертовщина на фюзеляжах. Чёрные дымные полосы по направлению к земле и треск пулемётов и авиапушек. Помню, как смолкло моё оружие, и хвостовое оперение с ненавистным крестом прямо перед винтом моего «яка». Треск, болтанка и... темнота.

В себя пришёл от резкого запаха гари, подействовавшего на меня не хуже ватки с нашатырём под нос. Самолёт стремительно нёсся на встречу с земной твердью, а это явно не входило в мои планы. Изо всех сил тяну ручку на себя – «як» нехотя начинает задирать нос кверху. Набегающий поток воздуха сбил пламя под капотом, но двигатель работал с подвизгиванием, и машину нещадно трясло.

Вот ведь твою же ж! И прыгать нельзя, и садиться на немецкой территории тоже: фотоплёнку надо во что бы то ни стало доставить к нашим. Иначе туда опять кого-нибудь pošлют, и опять не факт, что смогут выполнить задание. Блин, а левая рука-то болит и постепенно немеет ниже локтя, зато выше печёт. Зацепило, что ли? И где, в конце концов,

встречающие? Рация разбита, и связаться не получится. А и фиг с ним, поплетусь тихой сапой домой. Авось дотяну.

Дотянул. С огромным трудом удерживая норовящий вырваться истребитель, притёрся к полосе. В самом конце пробега правая стойка подломила, и истребитель несколько раз крутнулся на месте. Всё, дома.

И тут меня затрясло как припадочного. Руки, ноги, голову, всё тело трепало в сильнейшем откате. Попытался открыть фонарь и не смог ухватиться за ручку: рука просто не слушалась. Вот снаружи сорвали то, что осталось от остекления, вот кто-то сунул мне в губы горлышко фляжки. Прежде чем понял, что это спирт, успел высосать почти всю.

В себя пришёл только ближе к вечеру, лёжа на кровати в лазарете. Левая рука была забинтована выше локтя. С трудом сел на кровати, кутаясь в колючее шерстяное одеяло. Кроме нижнего белья, на мне ничего больше не было. Страшно хотелось есть. Вернее, есть-то мне как раз не хотелось – мне хотелось ЖРАТЬ. Просто дико хотелось, словно я неделю провёл на голодном пайке.

Из-за занавески, изображавшей здесь дверь, донеслись чуть слышимые голоса. Кто-то спросил шёпотом:

– Доктор, ну как он?

– Так и не просыпался, – слышался в ответ женский шёпот. – Видимо, сказалось нервное напряжение. Будем ждать.

– Считайте, что дождались. – Блин, а голос-то какой хриплый. И во рту сушняк, как после длительного запоя. –

Проснулся я уже.

Занавеска тут же откинулась в сторону, и, так скажем, в палату ворвались врач местного полка, а за ней Гайдар и мой заместитель, старший лейтенант Шилов. Доктор сразу бросилась замерять мне пульс и смотреть глаза, а эти двое глядели на меня прямо с щенячьим восторгом.

Наконец я не выдержал:

– Ну и что вы на меня так уставились, словно я блондинка с четвёртым номером бюста?

Доктор укоризненно посмотрела на меня. Из-под белой шапочки у неё выбивался светлый локон, а грудь была на вид именно четвёртого размера.

– Командир! Ты! Сбил! Десять! Немецких! Асов! – чётко разделяя слова, сказал Шилов.

– Откуда известно?

Нет, то, что я отбилсЯ от фрицев, это понятно, но вот что-бы так прямо взял и сбил – это невероятно. Немцы-то были далеко не те, с которыми довелось встречаться ранее.

– Илья, ты спал четверо суток, – вступил в разговор Гайдар. – Вчера трое сбитых немецких лётчиков подтвердили, что тобой в одном бою был полностью уничтожен зондер-штаффель под командованием оберста Зигфрида фон Рауха. Из штаффеля не выжил никто. Двух выбросившихся с парашютом ты расстрелял в воздухе, последнего из немцев таранил почти над самой передовой. По словам пленных, у немцев большой переполох. Кессельринг выпросил этот штафф-

фель у Гитлера специально для того, чтобы уничтожить нашу эскадрилью, и теперь попал в немилость к фюреру. До этого фон Раух со своими подчинёнными терроризировал англичан над Ла-Маншем. У них у каждого по сорок-пятьдесят сбитых на счету, а у их командира – больше сотни.

– Да и чёрт с ними, – махнул я рукой, – сбил и сбил. Скажите лучше, что с плёнками? Уцелели?

– Камеру сразу сняли, и её увёз Данилин. Вернулся довольный, как кот из сметанной кладовой, – улыбнулся Шилов. – Значит, всё в норме, иначе он бы так не лыбился.

В этот самый момент у меня предательски забурчал желудок, настойчиво требуя от своего хозяина пищи. Я уже порывался встать, но не тут-то было. Доктор едва не силком уложила меня на кровать и выпроводила посетителей. А минут через пятнадцать, показавшихся мне вечностью, мне принесли тарелку жиденькой каши с маслом. Какой? Да кто же знает. Содержимое тарелки как-то сразу исчезло, а в животе перестали бить барабаны, хотя голод никуда не ушёл. Через полчаса меня опять накормили, на этот раз наваристым борщом. Жить сразу стало лучше, жить стало веселее, товарищи.

Выпустили меня из медицинского училища на следующий день, убедившись, что все рефлексы у меня соответствуют норме. Печальнее всего было то, что я стал безлошадным. Мой «як» ремонту не подлежал, о чём меня с печалью в голосе известил Кузьмич. Жаль. Я хотел полетать. Рана на ру-

ке оказалась пустяковой, хоть и болезненной царапиной. Эх, придётся у Санчеса кланчить машину. Уж, наверное, не откажет своему командиру и ведущему.

На основании доставленных мной данных был нанесён мощный авиационный бомбоштурмовой удар. Говорят, немецких танков из разряда боевых машин в разряд банального металлолома перевели больше сотни, плюс уничтожили большое количество живой силы, орудий и миномётов, автотранспорта. Мне засчитали десять сбитых. За проведённую разведку представили к ордену Красного Знамени, а за десять уничтоженных немецких асов – ко второй Золотой Звезде.

Слетал я пару раз на истребителе Санчеса и даже сбил одного зазевавшегося немца на Me-110, проводящего, по всей видимости, разведку.

Выяснилось и то, почему меня не встретили над линией фронта. Немцы грамотно отвлекли встречающих, навязав им неравный бой. Против наших четырёх фрицы выставили дюжину истребителей. В общем, зажали третье звено крепко. Юсупова подбили почти сразу, он вышел из боя и чудом сел на относительно ровное поле. Потом сутки добирался до расположения. Немцы в том бою потеряли пятерых, но свою задачу по отвлечению подмоги выполнили. Досталось мне по полной.

Через неделю нам перегнали новые самолёты в количестве пяти штук. Славно всё-таки быть на хорошем счету у

начальства. Хватило одного звонка Жигареву, чтобы решить вопрос с техникой. А уж от перегонщиков мои орлы были в полном восторге. Молоденькие девчонки, стоило им лишь покинуть кабины истребителей, вызвали бурю эмоций. Народ резко бросился бриться, приводить себя в порядок и наводить лоск. В общем, общение с очень даже симпатичными перегонщицами подняло всем настроение.

Седьмого ноября вся авиация была приведена в боевую готовность номер один. Хотя я точно помнил, что в день проведения легендарного парада на Красной площади погода была нелётной и немецкая авиация Москву не бомбила. Тем не менее сидели и ждали команды на взлёт.

Вечером в столовой с удовольствием подняли тост за годовщину Октябрьской революции, за Сталина и за Победу. Гайдар принёс свежие газеты, в которых был его новый очерк о моём бое «Неравный поединок. И один в поле воин, если он по-русски скроен». Опять пришлось пережить минуту страха, когда потолок раз за разом вплотную приближался к моему лицу. Вот что за любовь в этом времени подбрасывать людей вверх?

Через неделю после праздника от сбитого немецкого лётчика узнали, что так полюбившийся нам 2-й воздушный флот люфтваффе перебрасывается в Италию. Теперь придётся воспитывать и приучать к относительно приличному поведению их сменщиков. Зато они пока у нас здесь непуганые, и это позволило нам всем увеличить личный счёт. Я

свой довёл до шестидесяти шести – уже больше, чем у легендарного Ивана Кожедуба. Во всяком случае, если смотреть на его официальный счёт⁴².

В конце ноября меня вызвали в Москву. Я ехал на присланной за мной Жигаревым «эмке» и думал о странностях, которые заметил в последнее время. Я прекрасно помню по своим визитам в Кубинку в моем времени, где проходила линия обороны в сорок первом году. Даже был там с экскурсией. А теперь линия фронта проходит километров на двадцать западнее этого рубежа и, судя по тому, что со дня на день должно начаться контрнаступление, сдвигаться на восток не собирается.

Это что, я своим вмешательством хоть ненамного изменил ход истории?

⁴² Официально лучший ас СССР Иван Никитович Кожедуб за два неполных года войны уничтожил 64 немецких самолёта, в том числе реактивный Ме-262. Кроме того, на его счету два сбитых в 1945 году американских самолёта Р-51 «Мустанг», которые атаковали его, якобы приняв за немецкий самолёт. Правда, американцев ему не засчитали.

Глава 7

Британский вояж

Моё награждение второй Золотой Звездой и орденом Красного Знамени прошло без особой помпы. Так сказать, в рабочем порядке, правда, в Кремле. Заодно повысили в звании, и теперь у меня в петлицах две шпалы майора. Привычное, можно сказать, для меня звание. Там, в другом времени, я до последнего дня ходил майором, подполковника мне дали по увольнению.

Лётному составу эскадрильи также всем повысили звания на одну ступень. Мы стали, можно сказать, уникальным подразделением: у нас теперь все без исключения лётчики – Герои Советского Союза. Как сказал Жигарев, даже встал вопрос об увеличении нормы сбитых для представления к этому высокому званию. Я частично согласился с этим мнением, но предложил увеличить норму не всем, а лишь для гвардейских авиачастей.

Награждать парней будут немного позднее, уже торжественно, а меня срочно выдернули с фронта для выполнения особого задания. Предстоит мне дорога дальняя, аж на Туманный Альбион – в составе делегации. Буду, так сказать, работать в Англии лицом Советских ВВС. Заодно и к технике присмотрюсь.

После были инструктажи и беседы с контрразведчиками, у которых возникли вопросы по поводу моего знания английского языка. Пришлось сказать, что у меня есть способности к языкам, немецкий я знаю с детдомовского детства в Саратове, английский учил в школе и самостоятельно, а сейчас занимаюсь самостоятельным изучением французского языка. Продемонстрировал русско-французский разговорник, который раздобыл через Гайдара, чтобы залегендировать на всякий случай моё знание языка Вольтера.

Контрразведчики даже переводчика пригласили, чтобы он оценил мои познания в английском. Пришлось следить за речью и допустить несколько ошибок в словах и произношении. В общем, отбился от бдительной спецслужбы.

Самолётом вылетели в Архангельск, где предстояло пересесть на корабль. В салоне заметил несколько пачек советских газет, и в каждой на первой полосе – моё фото. Самый результативный ас антигитлеровской коалиции – это меня газетчики так прозвали. М-да, никогда не хотел быть публичным человеком, а вот пришлось.

Переход морем из Архангельска в Эдинбург лишний раз убедил меня в том, что быть моряком я категорически не хочу. Нет, морская болезнь меня, в отличие от почти всей остальной делегации, не мучила, но один лишь взгляд на серые, ледяные даже на вид волны напрочь отбивал романтику морских странствий. Я уж лучше по небушку, там мне комфортнее и уютнее.

Англия встретила нас, вопреки бытующему мнению, ясной погодой. В отличие от того же Архангельска, где всю хозяйничала зима с морозами и метелями, здесь было хоть и сыро, но всё же потеплее. Во всяком случае, для нас.

В Эдинбурге нас встретил представитель посольства и сразу повёз на железнодорожный вокзал. До Лондона почти сутки предстояло трястись в поезде. Зато с пользой провёл время, беседуя с Павлом Савельевым, молодым дипломатом, с начала войны работавшим в нашем посольстве в Лондоне. Вся остальная делегация отсыпалась после морской болезни. Павел и поведал мне о планах на ближайшие дни. Вот уж удивил так удивил. Был запланирован торжественный приём в посольстве в мою честь, встреча с английскими и американскими журналистами.

Начало приёма мне, если честно, не понравилось. Пришлось при полном параде долго стоять на входе вместе с Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Великобритании Майским⁴³ и встречать приглашённых гостей. И при этом со всеми раскланиваться, подражая ему. В той своей жизни не сподобился на такое и уж точно не ожидал ничего подобного в этой.

⁴³ *Майский Иван Михайлович* (настоящие имя и фамилия – Ян Ляховецкий) – полномочный представитель / Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Великобритании в 1932–1943 годах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.